

Французская история литературы XVIII в.

Переводъ въ Берлинъ мой въ ту пору даъ француз-
французку полную иллюзию родины; въ кружокъ, где
приходилось ему встречаться, все было французское или
офранцузшенное; нѣмецкій языкъ и словесноеъ были
въ законѣ; академія и дворъ перекормлены густезранца,
ми. Многие было повсюду въ Германіи; на обѣдаль како,
го-нибудъ владѣтельнаго герцога сидѣли все французы,
а кушима было зюско лозьяны-нѣмецъ. Кружокъ фрри-
дриха изобиловалъ своеобразными инновациями; остротливый
скептикъ и издѣватель императоръ д'Аронансетъ, сдалживался съ
экс-медикомъ Ламезурри, изобрѣвшившемъ въ медицину,
престоловавшимъ се шепельники сакурами и благодаря
своей бойкой книгѣ "L'homme machine" являвшимся
enfant terrible зоданнаго материализма; съ Бразьями
Кейръ, сохранившимъ и при волюндумномъ дворѣ фрри-
дриха Великаго англійскую серьезноеъ и масонскій духъ
братскаго равенства, безрочалмет галантный, нечеловѣкъ,
но честолюбивый и похвѣшанный на эссеистуривеискиль
зорфреждалъ Моперзюи, восточный шурниль Алгаротти²⁾
и храбрый рудакъ майоръ Шаго, — а во главѣ кружка
позировалъ восточный, философъ изъ Саль-Сусей. Но
они перешли уже зодка евоизучу пору ютоическаго иде,
ализма, узрадилъ законъ своихъ лучшихъ друзей, и отъ
новыхъ приближеніиныхъ ридаль развлеченія, забавы,
газдо забавался до зого, что бывало изъ зеритвойя гесурало

1) издѣвшійся надъ исторіей геловѣческаго духа и похурившій
нѣкозороу нѣтвезноеъ своили скептическими и фривонгивыми соги,
меніями, 2) популяризаторъ Визюново уренія, которое они издѣлились въ ифалѣтискомъ
согласіи, носившійся заглавіе: "Нѣтозотіанево дѣя дѣли? Ово, вѣтвѣціанецъ, дѣли, сгаритъ зѣско,
нѣиъ Маркисъ дѣо-Шагле, у которой онъ въ ирѣтинея вренія гесуриль въ Сире.

Мадо, покинувшего захватить Берлинъ. Это было просвещен-
ный дворъ совершенно во вкусь XVIII столѣтій. Въ Фрило-
 софскомъ вкусь подобное явление встречается довольно ча-
 сто и служило характерическими признаками времени.
 Мы видимъ, что очень многие любили Фрилозо покровителей,
 Фрилозо болондучеви, Фрилозо отъ тѣхъ въ линквасно-
 тенія, всадски ^{for himself} записывающъ въ тѣхъ и привлекающъ къ
 своему двору. Такъ было одно время у Фридриха Великаго,
 эту же черту мы находимъ и въ Викариата II: весьма издасу,
 мы ея споменимъ съ энциклопедисрами, ея любезной тѣсна
 къ Волгзери, ея милосердивая Беснада съ Дидро, ея содербенный
 замдрия просвѣдиченной Фрилозофиі. Госиоръ II Австрийскій
 также ^{philosophien} похвореживалъ болондучеву, и въ эту же сторону
 здвинули нѣкоторые вросерепенные нѣмецкіе дворы. На,
 коонецъ, аналогическія черты мы замечаемъ и въ Даниі
 при Гузавѣ III, даже въ Тосканѣ и на Пиренейскомъ
полуостровѣ. Разумное же, подобное увлечение Фрилозо
 болондучеве не могло быть глубокимъ и серьезнымъ
 со стороны властей. Обсудивше же, которыми оно опредѣ-
 ляется, заключающъ въ студуонцеви. Во-первыхъ, по,
 Фрилозо болондучеву было рекомендаціей въ глазахъ
 общесвеннаго мнѣнія Европы. Фрилозофиі пользовались
 несомнителными содубевиемъ образованнаго общества,
 и государи, искавшие славы, стремились къ популяри-
 поэри, хотѣвшие прослыть просвѣщенными, оказывали

внимание людей науки и литературы, это было модой. При этом, нужно заметить и то, что московские государи на самом деле были несколько заинтересованы новыми доктринами, о которых зрелище мир, и хотели познаться с их содержанием. К этому присоединилось другое важное обстоятельство. В половине XVIII века вольнодумство вовсе не пользовалось какой-нибудь репутацией, какую оно приобрело впоследствии, после французской революции. Очень многие правительственные сотрудники на вольные мысли, как на дезертиков, как на подонков и закоренелых людей, с которыми интересно было поспорить, но чужие чужие мысли были опасны для самих вольнодумцев. Подобная охота была найдена и у Фридриха, и у Экашерина. Обществу философов и развлекать, книжки читали и, и казалось, что с философами можно благодушно спорить, оспаривать, можно прийти к той или другой мысли, выводу, отбросив остальное. Такое отношение к вольнодумству со стороны властей резко изменилось после французской революции. Тогда увидели, к каким результатам могут вести все эти новые учения, и стали смотреть на просветителей, как на заклятых врагов государственного строя, как на прямых предшественников якобинцев. В 1789 г. Экашерина сжигали

пущены и оправдывались в своей презренной переноске
 в Вольфсрайм: она утверждала, что вела ее, забывая
 единственно о славе России. Но в половине XVIII века
 вольнодумство далеко не представлялось такими угрожающими
 и опасными, как в 90-ые годы философского века и в
 начале прошлого. И в этом случае правительству впадало
 в эту же ошибку, как и правительственные классы: оно
 следовало подуть, втянуто было в общее движение, не
 подозревая его дальнейших последствий.

В Позданах, модной резиденции Фридриха Вели-
 каго около Берлина, Вольфгер нашел уже кружок
 вольных мыслителей, или, лучше сказать, — людей, занятых
 мыслью в вольнодумство. Но по некоторому сдвигу
 гусей мыслители, гораздо менее независимый. Словом,
 Вольфгер застал король далеко не в лучшую пору; Фрид-
 рих был на порогах к последнему периоду своего
 царствования. Поэт скоро понял это; зато не менее
 вначале это было одно очарование. „Сколько здесь
 подданных солдат и ни одного прокурора, жезла,
 философид, поэзия, герой-философ и поэт, великие и
 малые, гениалеры и музы, военная эрудиция и скрипки,
 законодательские ухищления, обществу и свобода! Кто бы мог
 этому повторить?“ Придавилось еще, что Вольфгер слышал
 на поэзии маршала Саксонского, были королевские
 камергеры, штыль кресты королевского ордена и 20,000

штровъ пенсим. При звукахъ зруба и барабановъ, въ то время какъ король выводилъ на парадъ свои полки, Волг. теръ разбѣжалъ въ своемъ кабинетѣ.

Во время пребыванія въ Пруссiи волгезеръ написалъ Волгера расправилъ свои кровель. По всему поводу стали разлезагся орудя его небольшие, злые и разрушительные памфлеты, въ видѣ ордонамихъ брошюръ или внутри какого-нибудь тома полного собранія его сочиненій, изданія которыхъ безпрезудно печатаются во Францiи или въ Германiи. Между 1750 и 1752 годами появились: — кровоупотребительная чаша истины, Оресь (1750) и Спасенный Рилъ (Rome sauvée, 1752) — Толковъ мудреца и Народа, направленный противъ привилегiй дворянства, Разговоръ между философовъ и финансовыми контролерами, между Маркомъ Аврелиемъ и французскими монахами, между исузомъ и адвокатами и романъ микромеласъ. Здоровъ, вмѣстѣ съ отрицанiемъ религии, преобладающимъ элементомъ являясь забота объ административныхъ реформахъ. Но все это ничтожно по сравнению съ двумя большими произведениями, окончательными Волгезеровъ въ Пруссiи и слушавшимъ блестящимъ выраженiемъ его философи въ эту эпоху: Я много въ виду Le siècle de Louis XIV (Вѣкъ Людовика XIV, 1751) и Краткую Вселенную Меропiо.¹⁾

Вѣкъ Людовика XIV, который вышелъ въ 1752 г., —

1) Histoire universelle.

это превосходное повествование об эпохе так называ-
емого великого царствования. В нем собрано множество
интересного материала, множество данных и подробно,
судя, сообщенных автору современниками, множество
фрагментов культурного характера. Вольтер говорит о
финансах, и о внутреннем управлении, о состоянии
церкви, о литературе и искусстве. Но автор замечает,
что все это многообразие культурного материала не приведет
во взаимную связь: отсюда раз-
брос на группы, друг другу чуждые, внутренний союз,
поэтому короче не разрозненные авторы. По
мнению книги занимает одно из первых мест
во французской литературной истории.

„Всеобщая история“ мы коснулись уже раньше. Она
принадлежит к ряду по философии истории, которую
Вольтер преподавал по желанию маркизы де-
Мале. Напечатана она была гораздо позже, в 1759 г.,
под заглавием „Опыты о нравах и духе народов“
(Essai sur les mœurs et l'esprit des nations), но первая
редакция этого сочинения существовала уже в 40-х
годах. Об этой книге речь будет еще впоследствии.

Однако Вольтеру служили вселигузские ужи,
ны, где Ангараззи, Монперзон, д'Арсанет, Ламурри
и король разрабатывал саваньи франквилли и керри,
свойными парадоксами, где для скептической насилью,

ки не существовало ничего святого и гдѣ Волгферъ мовъ
всего лучше видѣть, какими ускоренными шагами ему
надо было двинаться, чтобы охватить во главу своего вѣка."

Знаменитые ушники, козорне Фридрихъ Великій давали
стоить вольнодумцамъ, оуптателес замтогазентной свобо-
дой рѣчи. Беседа была крайне ошнвлетная. Продукцы
нѣвезной германской фрауны, солидные, жвтелелес нѣмцы,
кѣ чуждые приходили въ изумленіе оръ зого блесуацаго
осурочнѣя, съ козорнѣ велелс дѣбазы между королевы, Волг-
феровъ, д'Армансомъ и Ангараоури. Нѣмцы вообще мало
допускалелес въ зру коштанію. Говорили на всемірномъ
языкѣ, по-французски. "Никогда", разказываеуръ Волгферъ,
нигдѣ въ мірѣ не бесѣдовали такъ свободно обо вѣщѣхъ
человѣческихъ суетворѣнѣхъ, никогда не относилелес къ
нимъ съ болѣеимъ презрѣніемъ и съ болѣеимъ шуфлѣмъ,
воеуаю. Тосмесуръ было погизасно, но вѣшь зѣ, козорне
нменелъ его обманывали людей, не имѣли пощады."
Дѣисурвизетно, и Фридрихъ, и Волгферъ, и Моперуан, и
другіе (за неклогеніемъ развѣ Лаверури) сзодили на
зочкѣ зрѣнія деизуна. — Такъ беззаботно филосоесуровова-
ли въ Прусскомъ королевскомъ дворцѣ въ половинѣ
XVIII вѣка. Не было еще революціи, не было зого исорни,
гаскаго оуба, козорнѣ засуавилъ многихъ осмурѣя и
ознесурелс иначе къ тѣмъ самымъ чреніямъ, козорнѣ
до зѣмѣ порѣ предзавлѣлелес невѣннѣмъ развлеченіемъ

1) Тамъ были также гларръ, на козорнѣ сравнелъ тѣси Волгфера,
при гелѣ акзерали болѣ Бразя и есеры короля.

Благовоспитанности людей.

Первые месяцы пребывания Волгера у Фридриха Великого пролетали весело. Но скоро пошлм недоразумения, неприязненные и вполне походящая ссорки, вения между монархами и либератором. Волгеръ тн, самъ въ Парижѣ; умилны король воскизительны; здѣсь царевичъ независимое, моя жизнь свободна и полна, но... Оперы, комедии, карусели, военные маневры, кон, шерзы, теннис, но... но... Берлинъ прекрасен, даже лучше Парижа, дворець, разрачный залы, маскава ко, ролева, прекрасная принцесса, но... погода начинаетъ поворачивать къ холоду. Фридрихъ скоро сталъ ^{и влюбился в Фри} загористъ, присудившись Волгера, лишь временами воскизаетъ его остроконечной бестодой. Вина была ободная. Король смил, комы идеализировалъ своего гостя заглазно. Младшело ба, ваерь модды, долго не выдавшему, вертоизитъ, и въ него ебьнаго, молодого создания убивать въ близкомъ челова, къ дряхлое существо. Фридрихъ рисовалъ себѣ Волгера полубогомъ, и убивать слабдаго, предвременно дряхле, ющаго челова, далеко не всегда гоговаго бытъ забав, номы собесѣдникомъ. Онъ разгадалъ въ немъ и озорную практическую, дѣловую, — и это возмущало разсерживаго, скуного короля. Тутъ ли не первая ссорка между прозо, или изъ-за денегъ, Коръ Волгеръ насраивалъ лишь на уплату условленнаго содержания, и сначала притесивалъ

вину недобросовестности великого агента. В раздражении он неосознанно высказывался позадорнично, называя, напр. сдиркой королевского герба злого шурина для него поправку Фридриховна сдирозворений,¹⁾ — и это стало, как известно, королю. Фридрих не охотился в долгу, и Волгера узнал, что король затворил по поводу него о лимонь, козорни, выдвигавая, когда из него вынадевает сок. Такими образом, между королем и Волгером шла какое-то время мурая борьба, выражавшаяся в обличительных остротах. С другой стороны, затворив равниное отношение поэта ко всякой литературной извездности, Фридрих выписал митоманного шурина, зворца Бактора д'Арно и восхвалял его в оде, называя солнцем, Волгера же затворившим светилу, и выдал своим парижским корреспондентом много его брата, Фрерона. И так, Волгеру поцувство, валь на одно мгновение стало король, д'Арно однако был прогнан и Волгер снова ордаль своему счастью. Но убав! медовой месяца продолжался недолго. У поэта являлся уже вопрос: „Какъ утилатъ охота?“

Одно крупное и довольно неприглядное дело, до сего пор не вполне разгаданное, советам испорки, но ознакоми²⁾ по срасти к детским спекуляциям, тогда еще сильной в нем, Волгеру, по второму, му затворившим Демцафтерра) носить омегагокс порос

1) и слова в „История Бранденбурга“, над которой работал Фридрих Великий. — 2) это — одна очень невзрачная, гасная история, на которой в особенности удобно объявить модуль охраняется Пографе, прозвище Волгера. Они с Голштинским сражались, рассказали множество подробностей, касающихся этой истории и проливающих свет на некоторые стороны на историю штиль литературы.

регенерува съ съ увлечениемъ „свезеного“ Ло (Law). Живъ въ Берлинтъ, онъ воспользовался финансовыми кризисами, созданными газетными войнами. Саксонскій банкъ, вѣну. сзвившій массу ассигнацій, смѣсно пошатнулся тогда; онъ, радеет на пресудить прусскіе побѣды, Берлинскіе спеку. и дѣтѣри жребовали полной утраты по бумагамъ; учрежденіе, частъ насрѣдичая биржевая игра, послѣ запрещенія Фридриха продолжалась тайкомъ. Еврей Туринъ соблазнилъ Волгера выгоды пошатненія денегъ при покупке саксонскіе бумагу съ 35% цесушки; раздумавъ королю и у. знавъ, что импереръ дѣло съ плутомъ, Волгеръ охотничивъ-было покупку, но было уже поздно. Когда же онъ удержалъ нѣскольго цѣломъ вещей въ видѣ обезпеченія, Туринъ подвиглъ дѣло, зналъ на самоуправство и на подделку условія, фраксимиле списи бриллианзовъ реперъ изданю и опровергаеъ зворъ изворъ; зѣмъ не менше Волгеру пришлое присудитъ, и онагода Туринъ была озвертнуха. Но огласка дѣла повредила позру, пока. завъ его въ весьма некрасивой обрѣзанавкѣ, — и зорько засудитилесуво сесзри Фридриха побело къ охотничивъ ука. за, высилавшаго Волгера въ 24 часа изъ Берлина.

Хоть это были среди ослѣпительнаго блеска прохо, дивна и тогда мимолетная жѣтти, однако положеніе Волгера все-таки блеско чудиталое. Замѣрой окон, царельной оудѣлкой, Вѣтка Младовика XIV; онъ не мѣсть

уберегт горобыль мѣсто сожаненія оуъ нескромнаго мѣсто-
 мѣрзѣ; противѣрливый мѣрзѣ-авантюристе Ла Ботемпс,
 образивший на себя нѣкоторое вниманіе книгого, ноуъ мѣсти
 мѣли, *Qu'en dira-t-on* (изъ нея германъ при с. муратъ фронтъ-
 Вициль), мелавший упрочеуъ себя земли мѣстоуеко въ Бер-
 линѣ и для этого ^{привѣтъ, мѣстоуеко} привѣтъ мѣсти и доноса.
 мѣли на Волгера, оуъмѣстивъ ему за свое удаленіе изъ Трусъ,
 сѣи дерзкимъ мѣстагоуеко. Во Франціи явилася подгоуеко,
 ное изданіе Меторій Мѣстоуеко, испауеко ^{въ Берлинѣ} привѣтъ
 кампи и опроверженія мѣли, мелавший будро бы на под-
 мѣстнѣ мѣстуари г-ни Мѣстоуеко. Авториуеко Волгера
 растауеко.

Но окончательный ударъ нанесло ему сѣи мѣстоуеко
 съ Моперзюи, президентомъ Академіи, коуорымъ Фридрихъ
 оуеко дорожилъ, а коуорало Волгера сѣи мѣсти ^{привѣтъ, мѣстоуеко}
 сразу; мѣстоуеко мѣли было зѣсно въ Берлинѣ; Моперзюи,
 готовившийся мѣсти первую роль при дворѣ, не выносилъ
 присущей мѣсти. Когда коуеуеко Кѣнниа мѣсти у мѣли,
 чѣи президентъ Академіи, опирается на неизданная бумаги
 Мейбница, въ присвоенны чѣи мѣсти зѣсно, зѣи мѣсти
 мѣли руководимъ мѣсти Волгера. Онъ, равновавший къ
 Моперзюи, коуорому король оказывалъ болѣе расположѣ-
 ніе, принималъ сѣи мѣсти и мѣсти добирѣ изъ мѣ-
 нѣи самого Моперзюи. Но мѣсти не удалася, мѣсти какъ
 у Кѣнниа были зѣсно копѣи съ рукоуеко; зато Моперзюи,

разгадав загадку врага, приняла вызывающее положение.
 Но Вольфганг, собрав весь свой своего несравненного остро-
 умия, казалось, придушенного последними невзгодами,
 нанесъ ему однимъ за другимъ ^{рыцарскими} ударами. Мопертюи,
какъ знаемъ, самъ далъ ему оружие прозивъ себя. Пону-болъ,
пой, съ раздробленными воображеніями и непонятными
научными самопоказаніями, отъ выщекала тогда пону-др,
кой и необикновенно французскій Бромюр и разсудъ,
денія, назначенная какъ Судья для увеселеній гизарей.
Здѣсь можно найди мысли о зомби, какъ хорошо бы быть,
ларь скважины до центра земли и увидѣть вогнаи огонь,
оправивъ экспедицію къ северному полюсу для изслѣдо-
ванія череповъ живущихъ тамъ великановъ, построивъ
лазникскій городъ и т. д. Къ удивленію, Фридрихъ привѣтъ,
субоваль Эру безмыслицу, Бундъ мамеръ, не безъ задней
мысли. Какъ ни обещала себя Вольфгангъ Бундъ охороши,
наиль, отъ не мовъ чужды передъ заманчивыми поводами
къ пародіи. Отъ по презимену являлся на литературныхъ
вечерахъ короля, посовѣтовалъ сиеземарисски всеи ихъ,
привелъ въ восторгъ Фридриха кризисскихъ взглядовъ
на безхозавашную исторію (то были материалы для „Фри-
лософскаго словаря“ - „Dictionnaire philosophique“), но
вѣрныи готовили зичю сатиру. Неожиданно явилася она
подъ иудрѣнными заглавіями „Diatribe du docteur Акакія“.
 Вздоръ скрылся за личноею панскаго доктора, который

Возмущены были, что какой-то шарлатан, назвавший
 президентом академик, вынул в стору массу перлю-
 сии. Он нападает на нас, докторов, говоря, что если
 врач не великий Болсого, ему не следует плагать го-
 ра. Если бы со всеми познаком по зрону правилу, то
 сказали бы человеку, поупракти, положили, 1200 дукаров
 пеней за зрели по ларинарику и метафизикку, если бы
 ко нему обратились с законом речею: а. г., вы пишете
 за дукаров за-го, что вы писали, будро на земле уна,
 дуру котери, все из золота и бриллиантов, зресе дука-
 ров у вас сфинксы за го, что вы утверде, будро в элдрионта
 новый глаз прирывает правую ногу? Нельзя ожить у
 вас пеней 400 дукаров за-го, что вы с попомство оиура
 и разгосения головы великанов хорюе унари природу
 думи. Тотодний философ ораея бы советамь без пеней...
 Я видела в Мадрид во время карнавала арлекина, на
 рддвмалое архиепископство, но пошито было скоро у-
 знае в пеней шуря по его матерь благословляе, это
 напомнимо мне тогда басню Лафонтена, где осель в
 известной икуре был узнан по конкику ушай. Здесь
 же все фини безразлично на показе. Король пришел
 в негодование от зрели зрели насильно, не при,
 кель утверчени Вонзера, что это не его пашфиле, а
 плурия его врагов, вельми смею броситору рукою на,
 лага и потребовал от подза обзавелсера ничего не

показавъ прозвѣ Фридриха, другихъ правителей и даже ихъ, сафелей. Волгерь, не сговоря на это, отослалъ своего рукописель въ Дрезденъ; написанная тамъ, она вѣроятно была сохронена въ Берлинѣ.

Наконецъ, разрывъ сдѣлался полнѣе, и Волгерь въ Берлинѣ нѣтъ Берлина. Нагубивъ себя на свободу, онъ зарикъ возобновилъ нападки на Конерзию и вынудилъ въ Лейпцигѣ Брошюру «мирный договоръ». Онъ предлагалъ себѣ споръ окончить. Все мирно и даюно другъ другу обѣщанія. Конерзию (Malouin Maurelvis) обѣщавъ привесть нѣсколько сдѣлать германскъ и ганноверскъ, ровно 12 фудовъ вышине, и германскъ другихъ, поросшихъ волосами и съ лвоухомъ. Кѣмъ отказывающъ отъ спора и просилъ себя нѣсколько въ академіи будущаго мажиса, скаго города и т.д. Когда Конерзию, прочувавъ Брошюру, послалъ Волгери вызовъ, въ Лейпцигскіе газетѣ явилось обращеніе доктора Акадѣ въ университету; отъ уполномоченныхъ профессоровъ и судановъ зацвѣтъ сло оръ какого-то лапландца своимъ перочиннымъ ножами и досками, и выразилъ надежду, что коллеги-доктора придумаютъ какое-нибудь слабительное, кое, кое привело бы болного въ нормальное состояніе. Наконецъ Волгерь написалъ самому Конерзию писмо, блестящее самымъ тонкимъ и блестящимъ. Фридриха, при видѣ новаго маневра, вѣровашна неслѣ-

то и отъ теперь подвернулся той же участи.

На пути, во Франкфурте Вольфа заарестовали по приказанию Фридриха и обвскали: прусскій король велѣлъ оградить у Вольфа рукопись своѣхъ епископъ; отъ болѣе, какъ бы Вольфъ не обнародовалъ этой рукописи или вооб- ще не воспользовался бы ею съ какой-нибудь цѣлью, враси- дебною для Фридриха. Обращение, козороку Вольфъ и его тельянница были подвержены во Франкфурте, ^{на-наимнѣ,} ~~ориска,~~ лоегъ грубоиъ произволу. Наконецъ, прдерзавши это, сколко мѣсяцевъ, нѣ отпустили. — Трагическое пребыва- ние Вольфа при дворѣ Фридриха Великаго (1750-1753) — периодъ въ его жизни печальный въ нравственномъ отно- шении и мало плодотворный — въ умственномъ. Это собою не до, что его пребываніе въ Англии или золотые трудовые годы его жизни въ Сире. Въ эту эпоху, какъ я уже сказала, окончателно сложилось, черодилое и окрѣпло его мирово, зерцаніе. На этомъ моментѣ въ жизни Вольфа какъ приводится пока и оскановився, и образился къ его времени. Посмотримъ, какъ сложилось его новыя воззрѣнія, какъ образовалась за доктрина, козороку отъ сама проповѣдывае.

Прозиде всего посмотримъ, какъ относился Вольфъ къ предшествовавшимъ философскимъ теоріямъ древности и новаго времени и какъ сложился отъ на задачи фило- софии вообще. Судимъ ^{Вольфа} ~~протиннѣ~~ о метафизическнхъ снземахъ крайне рѣзкн и подчасъ даже несправедливы. Козорикъ,

задача козрало об'ясняла гезуэць доктрина, указывае на целовид яв возникновение и распроуранскій, не можеть быти довлезворова жтани кражким, казгоригеским, тесроким приговорам, козорое Волгзерж изрекаетъ надъ вельми схоластическимъ сирежалми. Но стало въ зомъ, что въ данномъ случатъ Волгзерж вовеа не згоура, да и не можеть зреть на зомъ зреть перорика. Кталь его - вовеа не въ зомъ, что въ въ подробноезаль разсказри, варт жу или друцо сирелю, слодитъ за ея поременнаиъ развириваиъ, распроуранетиелъ, перерозидеаиелъ, опре, дилитъ ея влидние на поелтующее, указывае на ея звязи съ другими явленидли иривенной шидри. Волг, зерж президе веего боеитъ и разрушитель. Ему нуино рас, тездитъ поле для свободнаго непредубоиденнаго из, слодованидя, свертнуе съ тедсезаловъ втковые ку, мирн, показатъ нелъноез обшепризнаннвль традици, искоренитъ завозные предразсудки. Схоластическые приелъи господсзрвали, за нелъногимъ исклоченидли, во веей науко и литеразурр. Они были признаны целомъ уче, палъ, они введены были въ школы, они урверидены были власдли, и опурывали закимо образомъ веегъ ул, сзвеницо дозделноез зого времем. Ортъ ниль было думно и здиико. Ниль нуино было разбитъ, уриватъ, шитъ, остидитъ... Ортода за разроезъ, козорой оулигаторея канадки Волгзера на метафизику.

Вольфганг

Как бы ни ~~уже~~ ^{уже} ~~знали~~ ^{знали}, Бэкон отъ ~~спиралъ~~ ^{спиралъ} ~~оцѣнка~~ ^{оцѣнка} новой философии. Бэконъ, по его мнению, еще не зналъ до, рото природу, но отъ ~~зналъ~~ ^{зналъ} ~~нуди~~ ^{нуди}, козорые ведутъ къ ней, и указавъ на эти нуди. Отъ презиралъ, ниниерь Вольфгангъ, — то, что подъ именованъ философии преподавалое въ сумас, медитиъ дональ, называемыхъ уримирали; отъ сгаралъ, сколко ему было возможно, ослабидъ видѣнне зѣль урениаь корпорацій, козорая порядъ ^{человѣческій} разумъ своимъ сущностами, своей бодуноста природы, своимъ субстанциамъ, своимъ формамъ и зому подобными тужескимъ словами, освѣщенными невѣснестрвоиъ. Указавъ на заслуги Бэкона по введенію отъзнаго метода, на многочисленныя гениаль, нидъ мысли и навики, разсѣднныя въ его сочиненіиъ, Вольфгангъ заключаетъ однако свое писмо оъ зѣль филосо, софѣ ~~небольшими~~ ^{небольшими} ~~извлеченіиъ~~ ^{извлеченіиъ} изъ Биографіи Темриха VII, написанной Бэкономъ: „Около зѣго времени король Тем, риха одолжали зѣль души сгарамидни герцогини Бургон, ской, козорая вызвала изъ ада зѣль Эдуарда IV и послала ее нудитъ Темриха и прог...“. Въ презинее брѣнн, прибав, лверъ Вольфгангъ, „подобной пассаъ снудали возвоиеннныя, зенеръ зѣо называюте галлиаргѣи“.)

Вообщее нуино заготовидъ, что нелкозръ на все уба, жинне, козорое нудали люди XVIII вѣка къ Бэкону, какъ къ своему надріару, какъ къ оуду новой отъзнаой филосо, софии, они мало его изучали и мало знали. Зо-писарелъ

U gallus Matthiae // galli Matthias, зо-переводна слово, иракъ, сундуръ

другого закала, другого склада, иной человек XVI столетия. Не говоря об его остроты мысли, предразсудках и грубости заблуждений, образчики козоровых мы сейчас видели, во всем можно указать на одну черту, еще более остроты мысли его от превосходней XV века, это — необычайное развращение воображения! Люди XV века не могли прикинуться с его образности изложениями, с его поэтическими, эстетическими сравнениями и эпитетами. Они были заклятые логики и с верой того затисовые классики, поклонники правильного и стройного. Ни Бэкон, ни Мекенер не могли отдалиться на модницами. Поэтому, отдавая почтение Бэкону, они сочувственно мало или занимались, мало его издирывали. Другое дело — Локк. Он пользовался дилемматическими силлогизмами и дилемматической популяризацией в среде превосходней. Волтерр отдался его ребяческие погрязности и поспешности. Д. Д. озн. шений Волтерра к Локку, да и вообще к другим философиям, философским сведениям, важно одно из его "Писем об Англии", из которого я и приведу несколько примеров выдержек.

"Вряд ли когда-нибудь были человек более мудрый, более методический, более логичный, чем Локк... До него великие философы поразили категорически, что такое человеческая душа, но, как бы они об ней равно ничего не знали, то кондьюсь, быть придерокивалася

И выдержки его многие его суждения поэтики, сочинившие прощ, бедения, как извещивать поды шенель Мекенера.

различных мнений: — Плутарх Вальзерь перебирает философов одного за другим. В Греции, в этой коллиде искусства и заблуждений, где были так далеко доведены и великие, и глупые человека, — рассуждали, как и у нас, о душе. Божественный Анаксагорь, которому воздвигли алтарь за то, что он утверждал, что солнце больше Пелопонеза, что небо — черного цвета и что небо сделано из камня, — Анаксагорь утверждал, что душа существует во всем, но все — так безмерное. Диоген, не жюри Диоген, который был франшизой константинопольской и покровителем, а другой Диоген — утверждал, что душа есть часть самой божественной субстанции, и эта идея по меньшей мере была истина. Эпикур создавал ее из частиц, на подобие стекла. Аристотель, которого звали на заседание ладья, потому что он был непонятен, думал, если бырих покровитель из его учеников, что душа есть бы людей есть одна и та же субстанция. Божественный Платон, наставник божественного Аристотеля, и божественный Сократ, наставник божественного Платона, говорили, что душа бессмертна и вечна. Демокрит Сократа вразумно объяснял ему, что это значило. Правда, есть люди, которые предполагают, что человек, хвалящийся своим законом, несомненно должен быть более великим, чем редукционист и немножко марксистом, но эти господа слишком упрямые.

anglaises - Английскія пьеса мн. Пьеса оь Англии была
 издаана въ 1733 году и что для того времени такой тонъ,
 такое небрежное, проницательное отношеніе ко всей схоласти-
 кѣ, такое свободное обращеніе со всеми философскими ав-
 торитетами, было довольно необыкновенно и крайне рискован-
 нымъ. Волгертъ ^{сдавалъ} на поемъдшіе вѣтъ вѣтковой схоластикъ,
 скія ученія и не османивалъсь передъ великими имена-
 ми, не хотѣла даже признаѣ какія бы то ни было за-
 сугъ за метафизическими тисагальными древности, среднихъ
вѣковъ и новаго времени. Онъ жила въ эпоху, когда имен-
 но схоластикъ теорія еще имѣла громадное вліяніе и
 были общезвѣстной силой. Еще не такъ далеко было то
 время, когда въ Сорбоннѣ вѣдкую диссертацію доказывали
 сначала по Аристотелю, а потомъ уже по разуму. Не мудре,
 но, что схоластикъ возбуждала такую ненависть Волгера,
 она не могла ожидать отъ него спокойнаго, историческаго -
 критическаго приговора. Презрѣніе къ метафизическимъ
 теоріямъ, образки котораго я сейчасъ привелъ, высказосъ,
 ваясь и въ другихъ сочиненіяхъ Волгера. Онъ видѣла въ
 нихъ праздно мудрованіе надъ задачками, недоступными
 человѣческому разуму, - логичной, произвольной умозво-
 ній, сродни въ разрывѣ съ опытомъ, съ наблюденіемъ, съ
 действитъ и послѣдовательнымъ мышленіемъ.

Какъ Волгертъ думаетъ о метафизикѣ, о духѣ, о тонѣ
 разсуда еще вносилъсвин. Покоривъсь генеру, какія

идеи Вольтера и только до 1755 года. Можно предсе всего сказать, что до своего бодворения в Оурадномъ (Les Delices), онъ представлялъ собою поэта ея философскими наклонностями. Характерная черта его философии, сообразство, вавшей савать определенности суждений и его сил, пераконца, уже были разбросаны в его разнообразности и многоисленности литературныхъ произведений; а философия, предсе всего и внахъ великой положительной доктрины, являлась сравнительной школой неопитивельно, сри и безвория.

Безспорно оуризация религии создавала основу Вольтера. Это замечается уже в первомъ периодъ его литературной деятельности. Припомните, что еще в „Экспита“ (1718) онъ говорил: „Иррежа — не то, что о ниль думается черезъ зомна,“

Вся иль наука основана на нашей лелковорин.“

Въ поэме о Лиги — в Темриадъ — (1723г.) онъ рисуетъ бодсудия, прикиемная религией. В Заире (1732г.) религия являлась преждевельно для сасри, погрозоблестного природой. Это уиреветное настроение обнаруживается еще замечнее во II периодъ литературной деятельности писателя поэты, в Магометъ (1742): вь главной сцене квеси Магометъ врукаетъ Сейду кинжалъ, назначенный для убийства Зотира; путь всей трагедии вырывается общая идея, что религия — вднкая религия — основана на плуроборьт однако и на мгносри другихъ. Со стороны Вольтера было дерзоество написатъ Магометъ; но еще болшеей дерзоество было по.

связь его пасть, лихораду чеповьку, припадкамъ поствя,
 тьмѣ благосклонно. Эра урядивъ ^{въ роде} не представляла бохшой
 новизны: Возбуждъ золько рожде и зенке высказала въ
 ней идею, облегченную въ болше призвоня форики Фрозе,
 кемлемъ въ его „Мезоріи Оракуловъ“.

Но оурицаніе религій не основывалое у Возбужда не,
 многоугодно — ни даме главными образамъ, какъ у Фрозе,
 кемля — на вартъ въ разуръ и на научивъхъ принципахъ.
 Оно вытекало изъ его мадурь, мазидавшей наслажденій
 и возмущавшейся великимъ наложившимъ на нихъ за,
 презомъ (говорить Т. Лансона). Возбуждъ, президе всего, —
 наследникъ энциклопедическо урядивъ, оураивавшимъ,
 начиная съ XVI-го и черезъ все XVII-е столетіи, инсинуируе
 и сладострастіе прозвѣа Христіанства. Религія, сурьсидв,
 тая чеповьскую мадуръ и связывавшая съ шела,
 тидки и удовольствіями представление о грѣховно,
 сфи, производила на него впечатление чудовищной без,
 сивелици. Возъ погелу каролицизмъ лезуловъ, благо,
 склонно оуносившіеся къ утонченному привычкамъ, удо,
 волствіямъ и иногда даме къ слабостямъ свозскаго обшества,
 сзрашилъ его менше Инсентизма, — Этой религіи возвышен,
 ниль урковъ, въ гуманности опредѣленій козорой било
 много глубокаго дѣи непродубьсиденнаго разума, но ко,
 хорав оуносилъ съ непримиримыма актеизма
 ко вельмъ утонченнаго, ко вельмъ мильмъ грѣхамъ

богатой и роскошной жизни. Унижение аскетизма, в эпоху конвульсионизма и свихотизма отъ исповяди, и узкое каноническое эрой секры веселили Вольтера: онъ радувался, видя, какъ дискредитируются заштитники суровой нравственности. Бввнгельская мораль, высказывавшаяся аскетическими во всей ея суровости, и Паскаль, сивный логический умъ козорого связывалъ эту мораль съ догма, зомь, были врагами Вольтера. Велюдервие этого его первой философской задачей было напасть оуказомъ на Паскаля и испровергнуть егозскими разумомъ аскетический умозвоанид.

Вообще умравиний Вольтеръ, велюдервие своей слабой физическою организа^{ция}ци, не мочь особенно подвижаться на попринце разума; поэфому гувевенность проявлялась у него главнымъ образомъ, въ неспристойности языка и обращалась въ любовь къ комфорту, къ благо, сороднию, къ роскоши; аристократическя стремленид, присущия его зиселавию, влечево съ изнотомленностию его феиперактуса захавляли его очень высоко цонить въ узонченности цивилизации. Наконецъ у него были умевенный позредности, побуждавшия его свозроде на общесуветной и низерадурной удоволствид, какъ на необходимыйишй условид жизни. Это мечталъ всего мочи, но было назваръ человекакомъ природы; его природа дн. лала тьр него президе всего человека общесува. Велюдервие

Французская история литературы XVIII в.

этого его философия — материалистическая, практическая и светская. С этой точки зрения, она резонирует в его «Светском Гелотике» («Le Mondain», 1736 г.), — произведении, служащем как бы выражением отринутости до, волею бога, хорошего гелотика, хорошо одоного, хорошо ни-заощагося, округистного хорошо прислугой и наслаи-заощагося разнообразности удобствами цивилизованной жизни. Волею негодования на недогадочность убавлений к гелоту, кто доещавлять как бы удовольствий: одищеуветное гонение на аксоров и светские предразсудки по охноше, ни то кь нль профессии казаете ему гелоту-го гудовицивики. Отсюда его красноречивый прозеер, вызванный смертного мадмуазель Лекуврёр, отъ сзотско зме хвалить Анжисо за то, что она похоронила в Везулинезере миссринея Олдерфилдъ (Oldfields), какъ и за то, что она погребла гелоту Негозона. ✕

Въ зоту зме самоту порядку идей принадлежали забозы Волезера о вопросахъ пурей сообщений, админии, сзрании, финансовъ и зорговии, — забозы, казавшидея зотда до законъ сзесени новыни и оригинальности въ литературе; сло грезвычайно занималъ вопросъ объ «Украшенияхъ Паризиа» («Les Embellissements de Paris»), сзрзгд, поименованная въ одной сборнике 1750 года; другая сзрзгд объ «Украшенияхъ въ Казмииръ» была написана нль около зото зме времени (въ 1749 или 1750 г.), а канегарана

в 1756 г. Между 1740 и 1750 годами в его сочинениях ясно высунулась идея, занимавшая важное место в вольтерьянской полемике, — идея о том, что существование обязанности правителя служить созданию в обществе возможно большого материального благосостояния, и что человек скорее больше заинтересовано в мудрой административной, нежели в блестящей внешней политике.

Одного из непреодолимых порождений Вольтера, коренившейся в самой глубине его духа, было высказывание все то, что от него исходило. Без этого от него не могло существовать. Как ни влекло его звание к роли несчастливого придворного, он никогда не мог сдерживать ни своего языка, ни своего пера. Французское правительство позаботилось образовать эту природную склонность в созидательный принцип политической философии. Если вспомнить, что ни Генриада, ни первая глава Восьми Людовика XIV, ни даже невинная «История Карла XII» (Histoire de Charles XII, 1732), не получили разрешения публиковаться во Франции и что правительство не будучи в состоянии издать указом, запрещающим вообще все, что связано с политикой, послать Вольтера, начиная с Писем к Свиршскому Трибуналу и кончая Восьмью Людовика XIV, предельно свободы мысли и пера.

По всей Европе и особенно в Англии открыли Вольтера науку и эту пользу, которую можно было извлечь

нуть не в. Они убивались за все президе всего, какъ за сред.
 ство нанеси ударъ религии и синодальному увеличенію
 матеріальнаго благосостоянія. Въ этомъ послѣдствіи
 нуркуть его научная мѣтодика свѣдѣвается его
 энциклопедическимъ стремленіемъ, — что предсказываетъ еще
 одну очень оригинальную и, какъ сказать, современную
 сторону, этого сложнаго гетія (какъ Лансонъ Волгера,
 ра наименовалъ). Но Волгеръ никогда не былъ гетіемъ.
 какъ науки въ научномъ смыслѣ этого слова, несмотря
 на все свои научные опыты и работы. Они были врагомъ
 религии, и поэтому всякое рационалистическое обьясненіе
 легко принималъ за научное, руководясь при этомъ
 скорѣе своей фразеологіей, нежели мѣтодомъ, не принимая
 въ соображеніе, что религія подвергается не специфиче-
 скому познанію, а семіологическому. Съ другой стороны,
 онъ часто озвергалъ безъ всякой проверки опыты или
 теоріи, если они напалкивали на его многоисленные
 предразсудки. Впрочемъ, научная дѣятельность Волгера
 была только краснѣе эпизодомъ въ его жизни, и видѣ-
 ніе маркиза де-Шабло играло значительную роль даже
 въ этомъ обходѣлствѣ, что онъ взялъ на себя трудъ попу-
 ляризировать Ньютонъ. Не здѣсь надо искать свободнаго,
 естественнаго, настоящаго Волгера.

Напротивъ того, онъ являлся политическимъ и пол-
 нымъ Волгеромъ въ своихъ философскихъ, политическѣхъ,

кризисемиль, позитивемиль, срезисемиль и дьявольскиль
 Писемаль, какъ оны самъ называлъ ихъ. Англия, французска.
 даръ, подошла на союзенный горючки материалу
 дль Вольтера и заставила его разрозниться одними гронад,
 ниль и блестящими фейерверками. Въ зриль знамени,
 зиль тесмаль перемешана вся разнообразные эле,
 мензи, къ жорониль слагался вольтеризмъ: зредо,
 ваня свободы мысли и печати, забота о материальномъ
 благоденствии и удобствехъ жизни, низераурная мудо,
 знаменитое, сильное отрицание религии, рационализери,
 ческая философия, историческая или геологическая кризис,
 ка, критика, восхваляющая въ одномъ мнѣхъ особия добро,
 дтели какой-нибудь еретической секты, тогда уколози
 зриль православие, и осуждающая въ другомъ мнѣхъ
 безразлично и еретиковъ и православныхъ ядовитыми
 ерзотами. Между всеми дерзостями философскими
 писемъ всего больше обратило на себя внимание и всего
 больше надтало тулу изложение сиемъ англического
 философа Локка. Королевский цензоръ, аббахъ Розельнъ
 (Rothelin), объявилъ Вольтеру, что „онъ новъ бы даръ свое
 одобрение всамъ тесмаль, за исключениемъ одного
 тесма о Локке“. Действительно Вольтеръ нашель въ
 законъ и поверхностноемъ сенсализмъ Локка доктрину,
 удобстворяющую его ерзменениямъ. Съ ея помощью оны
 охотраивалъ — какъ мы уже слышали — карезианский спириту.

ализма и угрожалъ Христианскому спиритуализму. Не будучи въ силахъ властью гораздо болѣе опаснымъ оружіемъ, воювавшимъ Спинозой, онъ ухватился за это болѣе легкое и доизаочно острое оружіе, чтобы немедленно же начать дѣйствовать на нѣ.

Эти философскія Писма (Lettres philosophiques), пред- ставлявшія острокое нападеніе на безразсудный деспотизмъ и на католическое, были единственныя ^{эпизодиче} подобнаго рода въ жизни Вольтера до 1750 г. Въвернувшись своей ^{стране} отъ отрочества сло сразу. Забылъ онъ успокоиваясь, подѣ сдерживающаго вліяніемъ придворницы маркизы де-Мазарэ, и развлекался литературными работами или просто политикомъ и придворнымъ, удовольствовавшемся егоче, свободіе. Въ это время его вольтеровскій духъ проявлялся только частичными образомъ: онъ обмарикивался, въ рече- ніе зрѣлъ или гдѣ-то въ первый ^{периодъ} его предвѣтія въ Сиренѣ у м-те де-Мазарэ, въ его ностоміанствѣ и особѣн, но — въ его магистерѣ, который Тѣе перевелъ на нѣмец- кій языкъ. Въ магистерѣ-же и до отъезда къ прусскому королю — полное захватилъ, ибо въ первый ^{периодъ} своего рома, паче или повсюду, написанный въ это время (въ концѣ 40-хъ годовъ), который бы уже выразить коснуясь, Вольтеръ является скорее моралистомъ, нежели философомъ, и его проиѣ въ энциклопедіи — романахъ весьма дѣ, обидна, но эти его повсюдворазная произведенія представ-

любовь любовная через для характеристичности и суровости
приемов Вольтера.

На свои рассказы отовсюду, как на сарниевские
и дидактические очерки, во которых было вдоволь
насматреться и поноситься над закоренными обиходом,
великими предрассудками. На первом плане у него
сродило не воспроизведение образов и явлений действительности,
землю и не прихотливое измышление сложностей,
запутанности случайностей и подвиг на забаву, а сатира
и изысканная моральная цель. „Я хочу“, говорит одна
из его героинь, „чтобы в повести под покровом
фабулы развивалась какая-нибудь поучительная истина,
на, приносящая для внешнего глаза и незаметную,
на для поверхностного взгляда“. И волею в своих
романах Вольтер проводит то или другое философское
и моральное воззрение, отличаясь хоть или дру-
гой предрассудок; легкую, игривую повествовательную
форму романа или повести отнюдь не употребляет для раз-
ных воззрений, которых отнюдь развивает в своих со-
здах и рассказах.

Теперь еще остановимся на чистом раннем ином чпо.
милитаризм любовных рассказов этого периода, это
— Fadig („Задача или Судба“), „волею повести“. Прежде
всего нужно заметить, что Вольтер в XVIII столетии
был в большой моде. Рассказчик модный переносит

изгнаны куда-нибудь в Персию, Аравию, Сирию и выдвигают
 своих действующих лиц из среды восточных восточных сул-
 танов, визирей, дервишей. Восток был очень мало известен,
 но романисты вовсе и не старались о соблюдении восточного
 колорита и о действительном воспроизведении восточных
 нравов и обычаев. Поэтому-то итакже, что Восток был
 мало известен, что история его была совсем не разработана,
 романисты особенно легко было сочинять всякие восточные
 сказания: его можно не только упрекнуть в историческом,
 археологическом, или географическом нестроении. Св.
 известно романисты упреждали только восточный на-
 звание, да заимствовали из таинственной жизни кой-ка-
 ких восточных вещей: гарем, диван, муллу или фрака.
 Вся выгода этих приемов для писателя заключалась
 в том, что перенесшись в изгнание на восток, они
 чувствовали себя гораздо свободнее и под этими прозрач-
 ными, сквозными восточными покрывалами могли гораздо
 свободнее проводить то или другое понятие, разбавлять
 то или другое зрелище, обличать то или другое предраз-
 суждение или наконец просто рассказывать парижский
 сплетни и придворные анекдоты. Вообще восточ-
 ная повесть наполнена была аллегорическими кар-
 тинками французских нравов; вся публика знала,
 что под какими-нибудь ширшами или банжами можно
 разглядеть дуловенство вообщем, что если говорится о пороках

администрации в Багдаде, за этим намекается на порядки
 парижские, что такая-то комиссия, учрежденная против
 ученых и докторов в Европе, бежит прямо в Сорбонну. Не
 редко даже при изображении какого-нибудь месопотамского
 султана писатель прямо итал в виду короля Людовика XV,
 а рассказывая о любовнице султана, отъ осел прозрачно
 намекал на т. т. де-Полтавурь. Кроме того, много
 замечает, что на Востоке и на его истории смотрели го-
 раздо с большими расположением, т. е. напр. на сред-
 ние века: на Востоке видны орудия цивилизации,
 большие города, дворы господов, обширные торговые сто-
 мены, грандиозныя здания и постройки; поэтому брань
 стоишь восточной славяно, как сказав, приличны,
 все-таки ружь мало что не о каких-нибудь, варварских,
 медвежьих или волчьих нравах, а напротив — по-
 мадалие бытовых отношений, которых можно было лег-
 ко и удобно сопоставлять с цивилизованными ново-евро-
 пейскими строем жизни. Воле причина распростране-
 ния и успеха в XVIII столетии восточных повестей,
 по числу которых принадлежат и Задит, о которых
 говорится с другими повестями ^{вкрайне} была уже раннее.
 И здесь я не буду подробно и последовательно расска-
 зывать содержание этой повести, а укажу только на глав-
 ные черты героя. В Задит мы видим героя ^{уже} живя раз,
 судицельского мурза, которому особенно символизировали

люди философского вкуса.

Во времена царя Моабдара опись была в Вавилониче подобной человекам по имени Задим, надчелюстный оу приро, да прекрасныи дамыи, козория развуды и украшениы были в немь воспитаниены. Онъ читалъ умтарьбуъ свои ехрасхи, былъ просохъ и добродоуеленъ въ своемь поведеніи и богатыхъ познаниихъ. Задимъ былъ знакомъ въ физическии наукъ, лати природы и зналъ по часу мезаризису то, что во все времяа было извощено изъ этой области, з.е. оскы мало. Несмотря на господствующую философию своего времени, Задимъ былъ твердо убавденъ въ то, что годъ имощъ 365 дней и что солнце находится въ центрѣ нашей планетной сизерны. Но лати и ехрасы закъ, чали еху на это, что его воззрениа неблагоприятны и опасны для государства. Съ особенной любовью изучалъ онъ природу и удалялся для задирій въ виллу, козорую онъ шталъ на берегахъ Ефрата. Тамъ Задимъ не замечался изысканиены количества воды, протекающаго въ течение одной секунды подъ сводами моста, не замечался онъ и решениены вопроса о томъ, выпадаетъ ли на кубическую милю больше дождя въ какой мессизъ или другой. Онъ также не мезалъ добывать земли изъ паурины или пригоулявъ фарфоръ изъ битвыль бузыловъ. Но онъ внимательно изучалъ свойства земли, бозисель и расценій и приобрелъ векоръ закону прохи.

царствующа, что услаживалъ живучу оршій замъ, гдѣ другіе
 видѣръ зольско однообразіе. Мудроу его скоро едмалает изъ
 воезной, и, когдѣ нѣсколко лавовъ спирали его доедойнннхъ
 соизменія за коидовержо, но слухъ одѣ немъ дошелъ до
 самого царя и въ скоромъ времени, поелъ разннхъ слу-
 гайноуей, задивъ пріобрѣталь царекія милосери и едмалаетъ
 болъ первымъ мнншесроумъ. Онъ засрабилъ вѣнѣ увазнаръ
 свѣщеннцую властѣ закона, и въ то же времѣя ннкому не да-
 валъ чубежоваръ своего соедѣвнннаго ранга и высокаго поно-
 шенія. Онъ не едвеннлъ погачи голоасѣ въ днвалнѣ, и каки
 доиъ визирѣ могъ свободно высказываръ свои мнѣннѣ. Ког-
 да задивъ обесурдалъ дѣло, онъ дерзалася закона, но еели
 законѣ болъ слишкомъ едрѣ, онъ чнторялъ его. Одннѣ
 за другнмъ предсраवलнлсѣ случан задиву задвнларъ своего
 мудроу... Мсаиду прогалнѣ въ Вавилонѣ болъ болшмой
спорѣ, козороиъ продолчалася ползорѣ знсади мѣръ и дѣлѣ,
 мнлѣ все царсѣво на двѣ врасудебннѣ и уноревуноцнѣ
 секрѣ. Одна секрѣ чрлнла, что въ храмѣ мнрѣ ннжно
 болло влодурѣ не ннчѣ, какъ съ лѣвой ногн; другая
 секрѣ слнзала эзоуъ обнпай зломъ нѣгубѣи и безумала
 въ храмѣ съ правой ногн. Масауналъ дорснсеувнннѣи
 празднннѣ свѣщеннаго оскѣ. Озндалн, какъ вондентъ
 въ храмѣ задивъ, какоиъ секрѣ онъ оудасѣ прѣдпочѣ-
 шеніе. Всѣс мнрѣ взирали на его одѣ ногн, градѣ Вави-
 лонѣ болъ въ вонченнн и нѣзертнлнвалнѣ озндалнн.

Задивъ вошелъ въ храмъ красиковъ — съ обтѣмъ ногъ за,
 разъ — и закъмъ въ краснорычивоу проповѣди доказавъ,
 что Богу неба и земли все равно — что правая, что лѣвая
 нога. Кътозорые недобротамарки Задива находили, что въ
 его проповѣди не было доозаочно риторическихъ украшений;
 что въ его рочи не приходило въ колебаніе ни холма
 ни горы: отъ суръ, говоримъ оми, и лишенъ вдохновенія;
 въ его рочи нѣтъ ни убогающаго моря, ни падающаго
 съремлава звѣзда, ни зающаго какъ воскъ солнца, нѣтъ
 у него хорошаго воззвонна сурдъ. Дѣшеувизуемо, Задивъ
 доволсезвовався слогами разурна. — Коемъ различнаго
 приключеній Задивъ испѣиваеъ негася. Отъ крамури,
 день бѣтмаеъ нур города и попадаеъ въ рабство. Но и зуръ
 отъ заявляеъ своего мудроеъ и приобрутаеъ расконо,
 шение своего господина. Бѣо Лорланъ арабъ — поклонъ,
 ереъ, солнцу и звѣздамъ. Задивъ разоблачаеъ передъ очмиъ
 это заблуденіе. Задивъ, благодаря его вѣдѣнію, въ Ара,
 бѣи негезаеъ шесокій обилаи, по козорому вдовы нуръ
 много предаеъ себя созншению надъ группами своихъ
 мурсий. Задивъ указываеъ, какъ зуръ обилаи пагубенъ
 для блага рода человеческого: сзалско молодиль вдовы,
 способнаиъ даваеъ дуръ государеву или восниживаеъ
 чине розиденнаиъ, погибаетъ въ цѣвзѣ муръ. На это
 ему говоруръ, что обилаи законъ ведеъ испоконъ вѣку,
 что отъ освѣщенъ временемъ, а можеъ ли бѣеъ толибудъ

постепенные древняго обичая, даже если онъ вреденъ? Раз-
 чить еще древняе, оубоцарь Задимъ, и его усилитьли те,
 спокій законъ озмънвася. Но за это ирецы обвинили
 Задима въ ересъисеубы. Они довели на него, будро онъ
 утверждалъ, что звѣзды при своемъ заботѣ не погружа-
 ются въ море. Оубъ такого богоуцелесуба сурби задремезали;
 целаставъ подобный нечесубивая рочи, они гороби были раз-
 одраге на себѣ свои ризы, и сдѣлали бы это, еслубъ За-
 димъ мочъ за это замларитъ, - но, въ избуцкѣ своей горесри,
 они приговорили его къ созименію на маломъ огнѣ.
 Спасливый случай спасаетъ Задима... Задимъ слѣдуюцъ
 другія его приключенія, и въ концы концовъ дало
 концаетъ благополучной развязкой. Онъ езановитсѣ
 царемъ въ Вавилонѣ, и весь подданнубе прославляюцъ
 его мудрое царсубованіе...

Уже изъ этого можно видѣть, какъ вилегаецъ Воль-
 зеръ въ свои повѣсти разнубя идеи, которубя онъ въ другубя
 драматубя одеваетъ серьезнубя доводами, идеи, какъ-то:
деизмъ, вѣродершнубецъ, вопросъ о происхожденіи зла, озмо-
женіе къ монархизму, государственная власть и т. п. Повѣсти
 все полна намековъ, указаній, сатирическубя выходовъ,
 итѣлюцубя прямое озношеніе къ общесубу того времени.
 Изложеніе прозо, ириво, пересытано метуцубим оцуро,
 фанки. Романъ Вонгера сдѣлалсѣ во взорубо половину
 XVIII вѣка одной изъ любимубя книгъ французскаго общесуба.

Я добела обзорные деятельности Волтера до конца второй половины его творчества (1735-1755). Это особенно касается его географических работ.

3. Период — легендарный, патриархальный.

(1755-1778).

Познакомившись теперь, наконец, кривою зворнекою и географическою деятельностью и ее практической частью Волтера, с его неодолимою пропагандою во вторую половину XVIII столетия — в последний период его жизни и литературной деятельности. В 1755 года Волтеръ сразовица ривноезничью созрудничковъ Энциклопедии. Свои ведеръ посполничью озмивленичу перешиску съ Даламберомъ, снандиць за ходомъ энциклопедическихъ работъ, посилаеъ сразои, рекомендучеръ созрудничковъ, даеъ указа, нид, паролл — всему энциклопедическому движению. «Пока я сохранил последнее дование жизни», пишетъ Волтеръ Даламберу въ сакомъ начале своихъ сношеній съ энциклопедическими, «я озауел на службу у славныхъ редакторовъ Энциклопедии. Я снудю за оебанный поветъ приноелъ свое посылное содтанисвие сооруднико самаго великаго и самаго прекраснаго памфлетника нашей нации и литературы. Сразои, которья слава Волтеръ, касалелъ сакихъ разнообразныхъ предметовъ, преимущесзвенно философию, морали и азвукъ. При зволъ посылал иль извольли курами, Волтеръ

предоставлять на полное усмотрение редакторов исправлять, сокращать, дополнять его статьи. Особенно занимала его статья, посвященная Мозорию, над которой он возился долгие объективные, несколько раз перепечатывалась и исправлялась; корректуры же и дало печатать из Швейцарии в Париж по адресу директора цензуры Малларба. Говоря о характере энциклопедических статей, Вольтер настаивает на необходимости возмозимо большей краткости и ясности: поменьше многословия, поменьше частных мнений, гипотез, и побольше определенности; объявляете знаменитые слова, пишете оны, показывете происхождение и разницу того или другого явления, и все это кратко и ясно. Въ то же время Вольтер переписывается с Даламбером о делах энциклопедического кружка. Поводом к этому принятому въ его письмахъ были призывы къ единению между философами. „Собирайте ваше братство“, пишетъ онъ Даламберу, „сплакивайтесь по возможности проливъ фанатизма. Братья, будьте же друзьями! — Ахъ, бедные братья, вторые христиане первыхъ браковъ вели себя лучше вашего!“ — „Ахъ бы хотелось“, пишетъ онъ, „чтобы философы создавали дружную, военную общину изъ насъ, новы, посвященные въ дело, — и я умеръ бы добровольно.“ И эта мысль о секте все чаще и чаще представляется уму Вольтера. Онъ видитъ, что прежде всего, для успешной пропаганды просветительскихъ учений, необходимо

единение, необходимость сплошной кружки, который бы шло
 сила борозды ее прозвучивали. Они и призывают поехать,
 но энциклопедистов к миру и согласию. Въ лучшем
 изобретении приводит Вольтера поведение Матье Жака
 Лессо, бывшего сотрудника Энциклопедии, который с кон-
 ца 60-х годов вступил на себя роль порабощенника из франко-
 софского лагеря и открыто заявлял свое несогласие с
 просветителями. „Ах, если бы великие философы,
 писал Вольтер в Париже, сохранили бы между собой
 братский союз в роду масонского, если бы они собирались,
 поддерживали друг друга, были бы вярны братству, тогда
 в полосу бы за ними в огонь и воду. Эта тайная акаде-
 мия была бы лучше Ломоносовской и велика париж-
 ская в тысячу раз; но у нас каждый думает
 только о себе и забывает первый естественный долг
 гражданина позорное еуборие“. Вольтеру приходит
 в голову идея сделать апохолова, которая раньше была
 направлена к пропаганде нового учения и упраздне-
 ния старых верований. „Нужно, восклицает он,
 „идти-идти дозоймы и порядочных людей, согла-
 сившихся между собою в преследовании определен-
 ной цели, не дозвинуя ей, после того, как успели
 в своих начинаниях двенадцать рабаков?“. Письма
 Вольтера читает в Паризских салонах, об этом
 говорится в публике, это были своего рода философские

(уничтожить позорное)

матреседа и Столгоудом. *Écritez l'infâme* — закова зна,
 скеница фораума, козороу Волгерь модилъ заканиваръ
 свои многочеленный писма. Зримъ самилъ отъ боудиль
 непрерывно напоминаръ существенную задачу брешени
 — борбу съ предразсудкомъ. Существенное, къ козороу
 относилъ эмигерь *infâme* (позорный, позорный, науд,
 ный), обикновенно подразумывалое, но иногда филосо-
 фи приводили и самое существенное и соединили
 эмигерь „позорный“ съ словами: *суетвире*, *франаризмъ*
 и *казолтаская церковь*. Впрочемъ, вся партия хорошо
 знала смыслъ зримъ словъ, сдѣлавшимся ея паролемъ.

Перемѣна въ *Les Délices* на красивое и уют-
 ное приращение въ Гренз, зоме неподалеку отъ Шенева
 и у самой границы Францїи, Волгерь занимался пере-
 толками счараго барскаго польсрѣ въ роуль же вкучеъ,
 козороу царилъ въ Сирз, особенно безревознати надозимиль
 калсвиниговъ чезройсволтъ поудомной сечени (што сурого
 запрецалое въ Шенева) и свой счарскїи досуръ напач-
 киль напросенниль мафараурниль зрудомъ. Ранѣе
 еще зтого, въ *Сурадномъ* (*Les Délices*) матрсеалъ Волгерь
 „Поэму о естественномъ законѣ“ (*Poème sur la loi naturelle*, 1756),
 свои разсудения о *десуветной Религии* (1756.); „Поэму
 о гибели Лиссабона“ (*Poème sur le Dèastre de Lisbonne* —
 о Лиссабонскомъ землетрясенїи, 1756.). Во всѣхъ видно
 подражанїе Лукрецію, Поне и оураци Шольсону.

Срратное землетрясение, почти разрушившее Лисса-
бонь, уничтожило немалые части уцелевшие обломки уцеле-
лого Вольфганга еще в Англии опубликована, поочередно
разбивавшаяся невзгодами и антикварскими опусами. Дидак-
тическое сочинение, *Le désastre de Lisbonne* "описание
полный поворот в его убедительность; горское недоборство
и скорбь о бедной доле человечества подняло оно в
душе читателя; прозывь боголюбивого изобретения
печального события оно выставляло ссылку на законы
природы, козоровые человечку не похотеть прозывився. X

Здесь же, в Оградном, Вольфганг выпустил свой
Essai sur les moeurs et l'esprit des nations ("Опыт о нравах
и духе народов"), в дополненном, усовершенствованном
и окончательном виде (1756, 1758, 1759). Как бы уже
знаем, эта знаменитая книга принадлежит к числу,
далеко по философии негориз, козоровые Вольфганг преда-
вался по меланхолическому призрачности маркиза дю-Шарля.
Материалом она была — как бы видно — гораздо позже,
в 1756, 1758 или 1759 г., но первая редакция этого сочи-
нения, козорого бы уже кончилась, существовала, уже в
40-х годах. "Опыт о нравах и духе народов" начина-
ется с обзора негориз Восточка (*Китай, Индия, Персия, Ара-
бия*), переходить к первым высказываниям христианства и
закончить распадения античного мира, и затем следовать
за всемирной историей от Карла Великого до Людовика XIII.

Планъ эпохи, обнимающей главнейше образцы средние века
 и первая времена новой истории, обуславливался следую-
 щими соображениями. Средние века, по мнению Воль-
 фера, самая печальная и скучная эпоха въ истории чело-
 вечества, при этомъ такая эпоха, относительно которой
 существовать больше всего заблуждений, величайше огульности
 хорошие исторические книги и господства извращенные
 церковные и государственные традиции. По этой эпохе
 не написано ничего научного, и истинный позна-
 кование съ средними веками должно переживать
 цылые флианты, наполненные самими чудовищами,
 или полупосудами. Обзоръ Всемирной Истории, состав-
 ленный Боссюэ, написанъ, правда, съ исключительной
 геологической точки зрѣнія, но все-таки представляющъ
 общую картину античного мира. На пороге средних
 вековъ Боссюэ остановился. Остатки и остатки началъ
 свое повествование Вольфери. Но правда всего ему следу-
 етъ исправить и дополнить предъисловіе Боссюэ: нужно
 сказать объ Арабахъ, о которыхъ Боссюэ величайше сво-
 ихъ геологическихъ предразсудковъ говорить какъ о раз-
 бойническихъ ордахъ; нужно сказать и о мусульманскихъ
 народахъ Востока, обладающихъ весьма древней цивили-
 зацией и вовсе оставленныхъ безъ вниманія Боссюэ,
 который предпочелъ замѣяться евреями. Заглавие можно
 переименовать къ среднимъ векамъ. Въ произвольномъ

Баснописецамъ и неудобочитаемымъ писателямъ XVII и начала XVIII в. Вольтеръ задается целью написать разную историю среднихъ вѣковъ, извлечь изъ историковъ действительно поучительные, цѣнные и до сих поръ еще факты для характеристики этой эпохи. Эрудитъ для того времени у Вольтера громадная. Она не ускользаетъ изъ глаза своего уменья, не приводитъ безконечныя цитаты, но видно, что онъ основательно изучилъ множество историковъ, и въ результате получилъ массу фактовъ...

На этой книгѣ Вольтера обнаруживаются недостатки и недочеты, возмущаемыя вообще въ его философско-историческія приемы. Въ „Опытѣ о нравахъ и духѣ народовъ” мы не находимъ ни чудесныхъ силъ, ни сверхъестественныхъ факторовъ, ни историческихъ абсурдовъ. Это на самомъ дѣлѣ повтореніе о гелотической, земной исторіи. Фаблы, легенды, преданія либо вовсе выключены, либо приведены и ослѣдены. Заглавіе — вслѣдствіе нѣкоторое пренебреженіе къ изображенію той жизни, къ варварской эпохѣ среднихъ вѣковъ. Не, чего и говоримъ, что надъ первобытными, эмпирическими формами жизни, напр. надъ нравами и обычаями Германцевъ или Франковъ, Вольтеръ не останавливается: они не заслуживаютъ историческаго повторенія; это исторія какіхъ-нибудь Турановъ или Кензовъ, что

это нехорош медведь и волк, но именно Вонзера, все
 одно. В этой транскрипции он виден нигде негодный
 и печальный фрагмент человеческого прошлого, при этом
 он не умел объединять и зонировать легендарное негод-
 ники. Своим неприятием к традиции он переносил на
 всякий миф, на всякую сагу, и не хотел признавать за
 ними даже значения негодника. Вонзера не подозревал,
 как впоследствии будущая цыганская фраза первоначальной
 нехорош народов, какой важный материал даст эта
 транскрипция для уяснения общеславянской формы и общесла-
 вянских развитий. Осрабляя в сторону глумливой ^{комичной} розсказ-
 ни Тригория Турского, Франкского и Германского
 варваров, он считал за развитие нововосточных
 государств, начиная с Карла Великого, сообщал
 сведения об упрощении, законодательстве, торговле,
церковных делах, о создании науки и искусства.
 Подбор фразы действительно новый, культурный явле-
 ния выдвинули и собраны с большим сгаранием.
 Но связь и последовательность в сообщаемых данных
 чисто бытовая, хронологическая. В сущности, это
 — уничтожающая, разрушающая попытка модернизации фра-
 зы, не сгруппированной в строгом порядке, не
 обобщенной, не раздвоенной. Фрагмент, пред-
 ставляющий, закономерно сообщая мы не забываем.
 Напротив, в этом ресурсы фразы, мы чаще находим

на закн называемый случайности, на охотольские эпизоды, сходящие вни внутренней связи сь изображаемымъ, вни общесрвенныхъ условий, на охривочныйя явления, не приведенная въ зависимость оу эпохи. Охотольские мизансы оубедено значеніе, козорого они на самомъ дѣлѣ не мнѣ,, коуъ, мелкими мизансы приписаны крупныя результаты.

Возь мѣ „Опыта о правахъ и духѣ народовъ“ двѣ вѣ,
 дерсики, оу козорныхъ. Въ наше время воздержался бы
 даше рядовой историкъ. Волсгеръ начинаетъ главу о кре,
 езовныхъ походахъ: „Таково было соедѣніе Малой Азии
 и Сиріи, когда одинъ паломникъ мѣ Айсена поднялъ
 кресовые походы. Звали его не иначе, какъ Куку-Пѣзръ, —
 это сообщалъ намъ дочь императора Кобинета, вдовная
 его въ Конезантиннополь. Намъ отъ извѣстено подѣ мѣ,
 мѣ Пѣзръ-пезанника. Эзозъ мизансы Пикардій, оура,
 вившихъ мѣ Айсена на воюю, были припиской зго,
 что замѣдъ вооружилъ прозивъ Росека и что мн,
 мюна европейцевъ погибли въ Азии. Также суждается
 между собою мировая сообщія.“ — Другой охривокъ, козо,
 ривъ характеризуетъ отношение Волсгера къ рефор.
 мацій: „Когда доминиканская оудата была на охривъ
 продана индусленцій въ Германіи, авцезитцы,
 поубовавшіеся издавна зривъ правоты, поубеверовали
 зависѣ, и эзозъ ничтожной мизансы мюнаховъ одного
 ексонекского закоулка данъ въ результаты болше ера мѣуъ.

раздора, вражды и брѣзвы и зрительнаи націй". Зарѣкъ Волг, зѣрь въ такомъ выраженіиъхъ начинаеть главу о реформ, націй: "важно не безызвѣстно, что зрѣтъ великій переломъ, розъ въ челоуѣческомъ сознаніи и въ политическомъ чертой. съзъ Европы начался съ М. Лютера, августинскаго монаха, которому его напасте съ поручило проповѣдывать прозвъ зовара, перешедшаго въ руки доминиканцевъ..." Доезачочно видно, какъ мало затруднялся Волг зѣрь при обивеніи историческыхъ фактовъ и какъ мало вникалъ отъ въ со. бокупное зѣль условій, котория порождаютъ историческія явленія. Выпачачно следитъ за филиацией событий, раскрываетъ ихъ зрѣтъ и погву, опредѣляетъ обизіе погви и причини общезвѣстной жизни, — все зѣ не соотвѣствовало его характеру и наклонностямъ, при. зѣль — все зѣ не соотвѣствовало самой эпохѣ. Позому зѣ (и много вѣтъ съ ^{говорятъ} А. Шаховымъ) кажется по меньшей мѣрѣ странно, что Волг находить, будто Волг зѣрь должено быть признаваемъ до сѣль поръ величайшимъ историкомъ Европы. Заслуга Волг зѣра, какъ предварительнаго кризиса, какъ новаго классификатора историческыхъ данныхъ, была очень почтенная. Но — какъ мы убѣдимся въ немъ не было доезачочнаго пониманія историческыхъ, не было доезачочнаго интереса къ разъясненію, ко все, споронному изрѣченію явленій промежуточнаго. Срачь къ полемикѣ, къ борбѣ съ господствующею фалсифик, къ разъ.

рушению существующих традиций — отвлекала его от его, кой-какие исторические задания, кое-какие нападки, пала ему о двойственности, пыталась ему погружаться в воспроизведения прошедшего, в расщепку явлений минувшей жизни. Что Вольтер не выработал в себе тонкого исторического смысла, что он в эстетическом отношении стоял напр. гораздо ниже Монтескье, — на то жалко нечего. Историческая безразличность или лучше, объективность попыталась бы другими сторонами его двойственности. Его громадная заслуга в качестве философа пролагала, дисса, в качестве кризиса, полемиста, ^{полемиста} забвения Боржа и разрушителя традиций, озабочен за ними, и обезнечи. Ваять за ними значение самого мощного писателя того ваяго времени. „Enai sur les moeurs et l'esprit des nations“, это — самое зрялое, в высококом полете соавременное сочинение, свидетельствующее о деизме Вольтера.

Когда Энциклопедия была приостановлена в 1757г. и Даламберт, утомленный кое-какими неприязненными и отидавшими повестями опасностей, решил бросить редакторство, Вольтер глубоко был огорчен вставь положение, нисель дель. Но он не держался мнения Дидро, который настаивал на том, чтобы продолжать все-таки работу при существующих условиях оберегать ее. Напротив, у Вольтера была другая позиция, и неслучайно отказав в том-то его плану. Он находил необходимым, чтобы

Все члены философической церкви были соединены краткими
 узлами, и, по его мнению, вольно за Даламбером должно
 было оставить издание Энциклопедии и Дидро, и все другие
 соаводники. „Подосидице донско одних годъ“, пишет Вольтер,
 „и все общество, вся публика поднимая и похребуя оръ
 вась продолженія работы на свободныхъ началахъ“...
 „Церкъ всть бросяръ дѣло, и ваша ури уседли подписниковъ
 призовуръ вась къ вашей работѣ, и тогда общезвѣстное мнѣ,
 нѣ будещь вашей проекціей. Вели вы стложена воедино,
 если вы насюице на своемъ, — вы будеще хозяевами, инакѣ
 вамъ придесть рабсвоваха подъ волей книгопродавцевъ,
 цензоровъ и дураковъ“. Расчеръ Вольтера были очень дальню,
 виднѣ, отъ зналь, какъ выросла сила общезвѣстнаго мнѣ,
 нѣя во Франції и надѣялся на эту силу. Гуркоеръ Вольт,
 зера къ общезвѣстному мнѣнїю, которое отъ никогда
 не зеряль изъ вида и съ козорнѣ всегда сифалей, была
 одной изъ причинъ его громаднаго влїднїя на общество.
 — Наконецъ, Вольтеръ совѣдуеъ перенести издание Энци-
 клопедии въ Лозанну, въ болѣе свободную Швейцарїю.
 Но Дидро повернулъ дѣло инакѣ и предпочелъ продол-
 жать работу ^{въ Парижѣ} quand même, въ Парижѣ, и на зло преслѣ-
 дованїямъ: это не мало ^{ему} стоило хлопотъ, возни съ книго-
 продавцами и комиссїониссовъ съ цензурой. — Оставивъ ука-
 сїе въ редакціи Энциклопедии, Даламберъ не разрывалъ
 связей съ философами. Отъ продолжалъ бить двѣрелнѣмъ

Французская поэзия литературы XVIII в.

корреспонденцами Вольтера и одним из усердных посредников между Вольтером и энциклопедистами. Нельзя и говорить, что Вольтер продолжал принимать самого, ранее участие в судьбах Великого Словаря. Многие во время казалося ему недосказанными, отъ не разъ указывали на пробелы, на несообразности, вкраившися въ Энциклопедико, на поспешности, нестройности и многословіе многихъ статей, но отъ вышнихъ цѣнили общее значеніе великаго памятника и видѣли трудности для образцоваго выноса, менѣе закого громаднаго предпріянія. Между тѣмъ фран. философы сгруппировались, и все болѣе или менѣе вникали, зельно слѣдили за указаніями Вольтера.

Лирика Вольтера страдаетъ недосказкою всей лирики XVIII и XVIII столѣтій: отсутствіемъ научнаго губства и выраженія. Но за исключеніемъ Андре Менье (André Chénier) Вольтеръ все-таки — единственная, лирическая поэзия когорато, ходя фендементознава, все-таки имъ зѣль не менѣе много поэтическій высокій полетъ. Прекрасныя стихи изъ „Poésies fugitives“, въ которыхъ онъ воспоеетъ свое личное уединеніе въ Оврадмонь (Les Délices) у Меньеваго озера (до своего пребыванія въ Фремиэ-Тетю), очень замѣ. казельны какъ одно изъ лучшихъ произведеній въ области поэзии XVIII вѣка. Стихотвореніе начинается: „O maison d'Aristippe“ и оканчивается, посылъ прославленія пре. красной природы, возвышеннаго гимномъ на свободу.

Одна из лучших и известнейших повестей Вольт,
 Жерар-Кандиде (*Candide*, 1758 г.). Это история одного горе,
 марки, которому совершенно ничего не удается на белом
 свете, — а между тем он последователен оптимистического
 учения лейбницевой школы. Тема этой повести была под-
 готовлена одним из предшественников Вольтера: «Жен-
 тон он la mademoiselle chinoise». Герой его возмущен безраз-
 судным велением дофинансера совершенной неурядицы, когда
 был в себе сураси, решил не выслушивать и быть вооб-
 щю воздерживаться. Но жизнь не дает ему осуществить
 эту идею. Тронувшей слезами незнакомой красавицы,
 он, ухаживая ее, сподуется за ней в дом, там находит
 вооруженного с ног до головы дядю ее, который клянется
 убить или обанить, — и мелкомов отдает ему все деньги.
 Захватив, чтобы размякнуть горе, он на дружеском пи-
 рю нарушает обещание, под влиянием вина совершает
 разный грешество, и в схватку лишает глаза. Когда
 должник его не платит, он не находит никуда за-
 щиты, дома же застают разгром, — приказав вынести его
 вещи для удовлетворения залогодавцев; он в охапки,
 а в это время проходит обобраивать его красавица ее
 сообщницей и разражается презрительным смехом.
 Добрый генерал, обвинившись мелкомову во ссуде, ухаживает
 его; судьба его переменяется, если он откажется от
 глупого материнства быть совершенно мудрым. «Значит,

поэты и философы, утверждающие, что все хорошо — лжецы? — Они правы, когда говорят о мироздании. — Ах, я повторю лишь лишь тогда, когда пересяну быхъ крестъ виль! — печально охвотгаея мелкомы.

Этой крошечной разказъ — прелюдия къ Кандиду. Вотъ содержаніе этой повести, переносящей насъ сначала въ Вестфалию, въ замокъ барона Тундэр-Тлен-Тронка, съ козорию шивурь дородная баронесса, сынъ, дочь и крестникъ Кандидъ. Герой повести, Кандидъ, какъ разъ выросъ въ имѣніи барона фонъ-Тундэртензронка. У него было лицо крошкѣ нравъ, а лицо было какимъ свѣдѣнъ оу, роженіемъ непорочной чистоты сердца, — это его прѣиму. Искренне звали Кандидомъ, непорочнымъ. Старые люди дома знали, что онъ былъ незаконный сынъ сестры барона. Главныя лица разказа — баронъ, его золотая супруга, прекрасная семнадцатилѣтняя Кунигунда, сынъ барона и его гофмейстеръ Панелосъ, оракулъ дома, знаменитый докторъ. Къ юности прѣзавленъ отъ въ ка. чествъ педагога, преподающего иль «меа-физико-геолого-космолого-ниологитъ». Онъ съ удивительнымъ охоро. умѣемъ доказываея своимъ возмизанникамъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причина, что въ насъодящемъ мирѣ, лучше нѣтъ мирѣ, замокъ господина барона лучше всѣхъ замковъ, а баронесса лучше всѣхъ возмозимыхъ баронессъ. Доказано, что ничто иначе быхъ не можеть, какъ оно ест; все создано

для известной цыпки, — следовательно, и шитье самое лучшее,
 мне назначение. Ноги созданы для того, чтобы носить
 очки, — вот почему мы носим очки; ноги очевидно
 существуют для обуви и, следовательно, мы носим обувь.
 Камни созданы для постройки замков, — вот почему
 барон и шитье прекрасной замочек. Свиньи, наоборот,
 созданы для того, чтобы их пили, и мы круглый год пилим
 свинью! Значит, глупо говорить, будто все хорошо;
 можно говорить, что все к худшему. Кандидъ вывелъ
 Георгию прищель и дала ему изъ его учения совершенно
 естественный выводъ, что высочайшее счастье — быть баро-
 номъ Тундэр-Телъ-Тронкомъ, второй степени счастья —
 быть орденлейтомъ Курингудой, потому, что наладить
 ее удачливостю красавицею, зреть сцену счастья — вся-
 кой день ее видать; резвердъ — слушать Панглосса. Од-
 нажды Курингуда, гуляя въ паркѣ, увидела, какъ въ этомъ
 кустовѣ, Панглоссъ уталоламъ горничную двубумку, безъ
 сомнѣнія за зятья, чтобы дать ей урокъ въ физикѣ. Она
 пошла въ домъ доктора и все прикинула зятья
 двубумку; задумливо вернула она въ замокъ; очно
 ей не слушать предметомъ опытовъ для Кандиды и
 Кандиды не быть зятья — она для нея? Кандидъ и Курин-
 гуда вернулись. Курингуда роняетъ плаху, Кан-
 дидъ поднимаетъ его; Курингуда невинно прощиваетъ
 ему руку, Кандидъ цѣлуетъ ее. Проникнувшись убѣжде-

нямъ въ приличной, разумной связи всего на своемъ,
 онъ объявляея въ любви. Въ это роковое мѣновеніе
 • проходящъ мимо баронъ. Онъ прогоняея Кандида изъ
 замка; Кунигунда будея наказана. Все въ это мѣновеніе
 замкъ приходитъ въ величайшее смущеніе. Начинаея
 скитанія и несчастія Кандида. Безутѣшной долго бро-
 дитъ кругомъ, не зная, что казаетъ; но отъищитъ посто-
 янно находитъ средству утѣшиться и поддерживать его. Въ
 свободномъ же городкѣ онъ попадаея ^{обнагоу} въ руки болгарскихъ
 вербовщиковъ; онъ солдатъ. Въ палочкѣ ударяея кнѣзь
 кнѣзь недоудачка, на него сыплется побой. Онъ дезертируетъ.
 Но не успѣея онъ побѣжитъ двукъ миль, какъ его пойма-
 ли. Ему предсказываея на выборъ: или прогуляея 36
 разъ сквозь сѣрой каждаго полка, или получиитъ двѣнадесять
 муръ въ лобъ. Тщезрѣно уреникъ Памлосса утвердилъ муръ,
 чизелей, что воля свободна, что онъ не шелаея ни зого,
 ни другого; но въ силу природенной челоуку свободы,
 мѣдираея палочные удары. Онъ не выносивъ муки и пред-
 почтаея смерть, шелаея получиитъ дополнително двѣна-
 цу муръ. Ему завязали глаза и посадили его на коня,
 ни; но къ счастью его шель мимо болгарскій король,
 узнаея, что это юный мозафизикъ, не вѣдатоній зако-
 новъ сего мѣра, и просвѣилъ его. Героу зри недѣли ранки
 Кандида зашили, и онъ ехалъ ходитъ. Въ это время
 между болгарскихъ королевъ и Аварами началасъ война,

и Кандидъ принимается въ ней участие. (Описывая бурю, Волс, зело возмущаетъ прозивъ никтомы необъятимаго права и, зредяща людей.) Прозвонила кровавая буря. Кандидъ, какъ философъ, уснасно перездрушилъ и прдзалея гдѣ зовско мотъ, но. Онъ видяще уснасная сльдсрвй войны, попадаееть въ аварскую деревню, сомѣннучо, въ силу международнаго права; и находище изувѣченныихъ сзариковь, на глазаъ козорьихъ умирали тѣхъ зменю, дожи; вездѣ зрѣди зѣль и развалины. Это приводитъ его въ недоумѣнїе. Неужели и здѣсь правъ Канглоса? Походьнно думая о Куринцѣ, онъ коласаееть наконецъ въ Толландію. Онъ давно слы, таль, что все здѣсь богази и прироче доброе христіане, и увѣрено въ хорошеиъ приелнѣ. Онъ стучище въ двери богазого геловѣка и просище милосзвни, но получаееть озвоче, что если онъ будееть бродяжиницаъ, его посадееть въ исправительной даиъ. Тогда обрацаееть онъ къ геловѣ, ку, козорьимъ золько это говоришь въ боиштомъ собраніи о милосерди; зоръ покосише на него и спросише: «вѣ, рить ли зи, что напана андихристеъ?» — Не слыхаль одъ зроче, — озвечеаль Кандидъ, но андихристеъ онъ или итѣъ, или огеиъ хогезеъ пѣзеъ? — Ты недоуеоннѣ пѣзеъ, сказааль оразоръ — проповѣдникъ; — стучише и не слыиъ подходище ко мнѣ; а змена его, слышавшая зроче разговоръ, все, плеснула на бѣднѣагу цѣлое ведро воды: заглѣиъ онъ усомнишея, что напана андихристеъ.

Озлотившего Кандида приютили анаданцисы (перекресте, всецъ) Макъ, раздраженный непереносимостью своей сестры, кормить, одевать его, дѣлать своимъ помощникомъ. Тщезъ судьба снова сводить Панглоса съ его ученикомъ. На другое утро именно Кандидъ вернется ницъ - Бродяга. Въ немъ, покрытомъ ранами, съ изуродованнымъ носомъ, Кандидъ узнаетъ стараго уважаемаго учителя и слышитъ отъ него, что ^{преисурна} Кунигурда убита, прекрасный замокъ уни, что именовъ войной, мучимъ изъ бароновъ, золотыйша мучъ баронессъ, юный наследникъ - вѣтъ убита, и что самъ онъ едва спасся: - возъ печальное извѣстие, которое сообщаетъ ему Панглосъ. Но, заключаетъ бѣдный докторъ, все это было необходимо; несчастие одѣльных мучъ случитъ залогомъ счастья цѣлаго; все въ лучшемъ. Кандидъ проситъ анаданциса приютить у себя и Панглоса. Все зрое озуправляюща запытъ на корабль въ Поръ, зугалито, куда анаданцисъ пойдетъ по какому-то дѣлу. ~~Нередъ Лиссабонномъ судно застрелену бурей~~ Доросай они ведутъ глубокомысленный разговоръ; но вдругъ, передъ Лиссабонномъ, налетаетъ буря. Макъ, стоя на палубѣ, помогая управлять кораблемъ, но однимъ озлобленнымъ мажросъ захватываетъ его, что отъ упавъ на полъ, захотъ мажросъ похерять равновѣсие, полетѣлъ внизъ голо, вой въ воду, и повисъ, зацѣпившисъ за обломокъ мак, ты. Добрый Макъ бросился спасать его, но оборвался и

уточилъ. Панглосъ удерживаеъ Кандида отъ попытки спа-
 сения, доказывая, что лиссабонскій рейдъ для того и суще,
 ервучеъ, чтобы Макъ уточилъ въ немъ. Но въ корабль
 оукраласъ зель, и почти весь погибли. Спасаются зольско-
 мазрось, Кандидъ и его физель; ихъ выдросило на берегъ.
 Они идучь въ лиссабонъ. Вдва зольско они везушимъ въ го,
 родъ, какъ земля подъ ними задрогнала: началось зна,
 менное лиссабонское землетрясение. Вездъ сурраимое
 бдсдсвие. Опримизды наши виддурь всего карзинуу гоблм;
 Кандидъ ранемъ обломками и помурь даръ ему водки и
 вина. Но Панглосъ, въ утъшение, доказываеъ, что это
 землетрясение не новоеъ, что въ прошломъ году въ Лантъ
 было такое же несчастье; однтъ и зъ те причины всегда
 производили одитъ и зъ те слдсвдвд; кромть зого несчастья
 газуноедй направлено зольско ко благу общаго, все дтъла,
 едъ къ лучшему. „Иначе и бдтъ не могло; если подъ
 лиссабономъ едъ волканъ, слдсдсвдсдсно онъ не могъ
 бдтъ въ другомъ мѣстѣ. Вещи не могутъ бдтъ иными,
 золькъ мы ихъ видимъ. Все къ лучшему? Сидѣвшій по
 близости какой-то геривъ челобтъль, агенуръ инквизи-
 цин, втъжливю спросилъ, втеридъ ли онъ въ первород-
 ный грѣль. Если все къ лучшему, слдсдсвдсдсно ибдтъ
 ни грѣхонаденія, ни наказанія? Панглосъ доказыва,
 еръ ему, что грѣхонаденіе было необходимо въ лук-
 шель изъ мировъ. „Сзало бдтъ, въ отрицаеъсвободу воли?“

спросил инквизицию и, не дав философу договорить, кивнул прислушавшиму, и ушел с ухватом полами во руки инквизиции, вельдь за зелье они оцудилася во зельица инквизиции. Итоба успокоит зима после зелье, лездрсеня, она рьшила зуронит прекрасное зрельище аузо-да-фе. Зельездрсеня должино быт искуплено кровью хрециков. Итсконо несласкиль будудь созиоени. Кро, мь бискайца, обличеннаго во бракт с куного, и двут португалсцев, шерзвото сьтлалет Панглоса за зо, что говорил, а ушеник за зо, что слушал с видель одобреня. Изобразает казнь. Панглоса вьтмашь, а Кандида, ради его молодосети, золько вьтвкурь плегни. Плага сфозит Кандиде предь вьтмашей своего наставника. Ворунь проходиль мимо скаруха и зоветь его с собою. Прекрасная дама убидала его во время церемонии и послала за нимь своего слушанку. Гра прекрасная дама Куншудя, козорая шива, но перенесла много несласий, была продана во рабство еврею и оцудилася наконець у великаго инквизиора. Возрожившиася со своей милой, Кандиде до зого ублекет разговоромь, что не замьзиль потвлениа еврей Меахара. Ревоинцевь обнашил инагу, но биле убидь Кандидомь; за ше граец пощил и инквизиора. Два убийства совершил почти безознареельно геловник, глубоко ненавидьвий закуто расправу, и во келье ушлмлоес соимьние, двийсудельно

ли все къ лучшему. Обладатьъ весьма сокровищами великаго инквизитора, любовники на андалузской лошади убогаторъ въ Кадиксъ. Дорогой ихъ обокрали. Въ Кадиксе говорили къ войскамъ прозвать парагвайскихъ иезуитовъ.

Кандидъ дотлаеся канцелярскыя оурада и влѣзеть съ Кунциндой оуправляеся въ Новомъ Свѣтѣ; бытъ кошере эго-го и сего лучшій мѣръ, козорый Панглосъ полагалъ найдти въ Европѣ. Но и въ Новомъ Свѣтѣ не пощасти, вылоет Кандиду. Тубернагоръ Бузносъ-Миреса обворозены красозой Кунцинды. Ко всему этому пузешезвемикси узнаютъ, что въ портъ прибавъ корабль съ алскадомъ, раз, аквивалоцимъ убийцъ инквизитора. Кандидъ снова бѣжитъ и съ слугой Карамбо попадаеся къ иезуитамъ Парагвай. „Свѣдѣль оурамо принадлежить все, народъ же ничего не имать; эзоъ порядокъ, говоряръ, верить разумности и справедливости.“ Выжили герзани изъ бразилери, однако, схранной бытъ краф, слуга Кандида, Карамбо, донсе много испытавший въ жизни. Въ компан. диртъ иезуитскаго полка Кандидъ узнаеся брата Кунцинды, гудеено спастагося во врьвѣ разграбленнѣ оуцовскаго замка. Писать объязи и привоужвиъ Кандидъ сообщеаеся о своемъ намѣреннѣ женичься на его сестрѣ. „Какъ безсудный! эъ слышетъ мечтаеся о бракѣ съ дѣвучкой, у козорой 72 поколѣннѣ предковъ, и все бароны?“

воскликнуть вздохновенной юности и выхваивается
своей силой: Кандидъ жосе выходитъ изъ сѣдла, обнажаетъ
мечъ и въ разгаръ ссоры вонзаетъ его въ грудь обидчика.
Съ усмешкою сознаетъ, что онъ — самый крошкй изъ людей
на свѣтѣ — совершилъ еще хуже убійство.

Переодѣвшись въ плаще убійцаго, онъ приходитъ
въ страну дикихъ и шибыхъ доездохомъ возмозможности
подвизуется хваленому природному соединеню гело.
Вѣтка; позолъ онъ проникаетъ въ ободованную, бога,
ура и счастливую страну, Элдорадо, гдѣ драгоценныя камни
разбросаны по дорогамъ, гдѣ крава просца и гостеприимны.
Кандидъ бѣсѣдуетъ съ шарикомъ чужеземца, желая узнать,
есть ли въ Элдорадо религя. — „Какой странной вопросъ?
Развѣ вы снзаете насъ неблагодарными?“ — отвѣчалъ
шарикъ. Его спросили, какую же илему беру испов,
вѣдалось шибели. „Я думаю, наша религя такая же,
какъ ваша; мы день и ночь покланяемся Богу.“ — А
какъ у васъ молится? „Мы ничего не молимъ у Бога;
онъ далъ намъ все нужное и мы благодаримъ его.“ Когда
шарика спрашивають, гдѣ можно возрѣшить свидѣн,
никое, онъ улыбуется: „Друзья мои, мы все свидѣн,
ники; каждае утро царь и глава семейства поютъ
благодарственные гимны, и иль взорядъ зидели му,
зиканровъ.“ — Какъ? у васъ иль монаховъ, козорые
поучали бы, спорили, управляли, илзриговали, или

несогласны ли съ ними? — Мы, слава Богу, не безумны,
 мы все видимъ и мыслимъ и не понимаемъ, что все
Золкуорд. И многое еще удивляетъ Кандида, — и охоту
 съзвѣ судобы, и ласковое обращеніе короля съ подданными.
 Мишель осанаторъ Кандида почесывалъ и богачевыми. Ка,
 междѣ, отъ охоты оуался бы рурь, но однообразіе счастья
 утомляетъ его и ему недоезжаетъ Куингудонъ. Щедро ода,
 ренный, отъ покидаетъ Элдоорадо. Съ зрудомъ передирается
 отъ черезъ горы, видя въ возмущающейся сценѣ рабовладѣнія,
 и у него складывается впервые непотухающее опредѣленіе
 оптимизма: „Эго-срассъ утверждаю, что все оптимно, когда все
 скверно“. Въ Новомъ Свѣтѣ ничуть не лучше, такъ въ Суа-
 ролѣ. Отъ рашается возвратиться въ Европу и выкупить
 Куингудонъ. Но очень скоро у него украли его сокровища.
 Отъ озряетъ слугу за Куингудонъ и поедетъ сначала
 въ Паризь. Сзращивая по Франціи, Итали и Англии,
 отъ воздетъ видѣть отъ Золъко пороки, отъ бѣдствій. Въ
 описаніи французской столицы Волъжеръ не помянулъ
 нравныхъ красокъ. Отъ нападетъ на словесные пред-
 разсудки, умышленную роль литературы и искусства,
 подкупность полиціи, власть дубовенсхва. Въ Венеціи
 путешественникъ прибываетъ во время карнавала. Здѣсь
 въ годинничью ену пришлое обѣдаетъ съ шестью ино-
 сзращали; отъ изумился, когда слуга велѣвалъ кани-
 даго изъ ниль, вате велисхва, и подумалъ, что эго

карнавальная музыка. Оказывается, однако, что эти привозные дьявольски-прежде были правительственными государевыми, но же, перс изломлены и изгнаны. Одиного из них суклань Ахмедъ III; другой императоръ Иванъ Анзотовичъ, вину, ценный будо бы из Миллсбургла для похвудки по Евро, ть подь конвоемь; третий Авучезь король польскій и.д. Самый бедный из них Теодоръ, король Корейки; въ похвудку его дьяласторъ сдобръ, и Кандидъ даритъ ему бриллиантъ. Развы все зорие король: "спрашиваюторъ его. "Нужь, озвочаюторъ отов, — и не илнго им малнйшого желаннй буть коронемь." Покинубъ Венецнго, Кандидъ — наконецъ поелъ долгиъ блузданнй — вернутаъ въ Консмануисополн Куинцуду, прислушиваюторъ у одного князя, а въ двубъ галернннхъ невоистннкахъ узнаеъ снова озннвшнхъ Панглосса и несчастнаго Браза Куинцудн. Прекрасная Куинцуда сдала оченъ дурна. Но Кандидъ все-таки знннлс бы на ней, еслдъ онлзъ таки все зоръ же браъ, — неслнотря на то, что Кандидъ освободилъ его озъ галеръ, — не озказалъ ему изъ дворднскои гордоери. Панглоссъ, неслнотря на несчащя, озаелъ несправннмь озннннхемь; ; ему неспрнлнтно озказываеъ озъ принцнповъ, да и лейднннхъ не можнхъ буть несправъ. Счаслнво сошедшеся друзъ прнходубъ рь убоднденню, что нурнко зруднрся и не разсудндатъ, и что зрудъ озгондеъ зри главннй зла: скуку, пороки и нурнду. Наннлн фэрлн. Кандидъ илннно купнлъ для вельбъ

маленькое поместье на берегу Черного моря. Они стали дружно обрабатывать землю и получили хороший доход. Вокруг них безпорядки, несообразия в уроках, а они все бедуют спора о лучшем мире; но споры их как-то совсем обыкновенно очень скоро. Панически жаловаться о том, что они не сумеют жить в каком-нибудь из этих городов универсальных. Они говорили иногда Кандиду: „Все равно связано в лучшем из миров, если бы вась за любовь кь Куинсидю не выгнали из замка Барона, не арестовали инквизиторы, если бы вы не подрали, ли пытки по Америке и даже не побивали в Эсто, rado, — до вы не были бы зодет генер, — вы не были бы нами воздвигнуть сластей; лейбнищ не мог бы не прав; преэабиллярная гармония оправдана.“ — „Все это прекрасно, — говорил Кандид, — но генер так же можно прилетимо воздвигать наши сад“ (mais il faut cultiver notre jardin). Работая, не мудрствуя лукаво, — ворь по его мнению, един, священное средство сделать жизнь свою хоть сколько-нибудь сносною.

Кроме Опыта о Красавце (1756) и разсуждений о безсмерт-
венной Религии (1756), два других ловких удара, направ-
ленных, повидимому, против лейбнищевского оптимизма,
были нанесены устно о христианском Промысле по-
кой о Лиссабонском землетрясении (Le Désastre de Lisbonne,
1756 г.) и золото что нами пройденного повествования Кандидо
(1758 г.). Кандидо при зомье являетя не зомско рождиль ударом

опубликовану, но и забвением последующей программой
 Джеймса Волтера. Это глубоко проникся сознанием не,
 обходящему, воздымывая свой сад (cultiver notre jardin),
 з.е. отдаче себя неукротимому служению нигидаму чело,
вогсера. Какже, то в этом отношении Франсуа Теге
 подражает Кандиду Волтера. Очень интересно, что в
 конце своей нестройной жизни и Франсуа отдаче себя неу,
 жотимому служению человогсера, — утилизатору. —
 Своим прозрением прозвев рабовладельца в Америке
 Волтер поддерживает насройчивый поклад энциклопе,
 дисков прозвев кривоухивгсера вообще, а описание
 смертной казни неповинного адмирала Бинга, козо,
 рую герою повести случайно видит в Лондоне, пред,
 вощает извощные слухи вльмаргсера Волтера в
 возмущительно-несправедливый уповный дала. Френей,
 ский старец умождает всех усилить, чтобы оубразит казнь
 Бинга, но потерпал неудачу; за-то перед смертью не,
 счастлив вспомнил о своем заслуженном и оставил
 место кь нему.

В 30-х и 40-х годах Волтер голско готовился
 кь пропаганде, кь делу философской агитации, умел,
 в эту эпоху сложилось, устанавилось его мироозерцание:
 оть много читал, много зрудился, много раддовал по раз,
 ным вопросам, запасался знамидями; но оть еще не
 было воздель философской секцы, не было жь неукротимый

борьбы и напористости, какими мы заслужили его во второй половине XVIII столетия. Въ самомъ обществѣ первой половины столетія просвѣдительскія идеи еще только созрѣвали, развивались теоретически въ философскихъ мысляхъ, лишь и распространялись въ обществѣ массъ; они еще займались и только родко показывались на своихъ божияхъ. Усиленное брожение, пропаганда идей, популяризація началась во второй половине столетія, и тогда же Вольтеръ сътоварился во главе дворянства, его руководилъ. Возь что научно шло въ виду при разборѣ произведений Вольтера.

Для театра Вольтеръ написалъ Китайскую оперу ('L'Opéra-chinois de la Chine, 1752.), 'Сократа' ('Socrate', 1758.), 'Танкредъ' ('Tancredi, l'Écossaise, 1760.)

Тораздо любопытнѣе зрѣтъ драмы Вольтера другое произведение, которое было лишь напечатано еще въ 1730 году, съ которою онъ долгое время носился, которое онъ долго редактировалъ, выглаживалъ, измѣнялъ и все-таки она была неоконченною, незавершеною. Это — извѣстнѣйшее изъ эротическихъ суживореній Вольтера — знаменитая поэма 'La Pucelle d'Orléans' ('Орлеанская Дювезенка или Дюва'), отрывки которой давно уже ходили по рукамъ. Задуманная по шутливому поводу друзей поэта, посмѣловавшихъ правдиво изобразить Орлеанскую дюву, слишкомъ захвальною въ поэмѣ Мопельена, поэта

XVII столетия, она долго была зайчиком и любимым дитящем Волтера, который постоянно что-нибудь прибавлял к ней. В Супе Волтер занимался его мезидютом, лонь, как развлечением от серьезной записки. Число писем тогда постоянно возрастало, автор играл рюксом своим интимным друзьям, но дала выписки позволять невозможно. Маркиза д'о-Мазэ, в особенного заботливо охраняемая Волтера от всякого неприличия, посыл, держала манускрипты Орлеанской дубы под своего замка. В са. полн дитя, печатать в то время эту поэму было крайне рискованно; издание ее могло бы навредить автору кучу серьезных столкновений, причиняя ему множество безпокойств. Однако в то время Орлеанская дуба становилась все больше и больше известной и понемногу распространялась в рукописях. В 1755 г. один из врагов Волтера, боясь вреда автору, выписали издание поэмы, издание крайне испорченное, когда Волтер пробыл в Оградном (Les Délices) едва московско-мезидюта. Испуганный Волтер принужден писат письма ко всем своим друзьям и во Французскую Академию; но никто не грозил его безопасности, и он успокоился; благодаря этой ложной угрозе, он понял весь вред своего положения. Поблизу, давший все большие и большие распространения своего сочинения и искажениями, которые оно подвер-

1) La Beaumelle и канцелярия Каверт.

галосет какъ въ рукописяхъ, такъ и въ перепечаткахъ, Волтеръ, уже не колеблется, самъ рѣшился въ 1762 г. издать, подъ содѣйствіемъ наблюдателя и за своей подписью, эту содлазнительную и опасную Орлеанскую дѣву, которую когда-то М-те дю-Шабло держала подъ ключомъ. Но многа мѣсяца были теперь авторы значительно сдѣланы. Поэма приобрѣла огромную популярность: библиографы полагаютъ, что во второй половинѣ XVIII вѣка было выпущено до 300,000 экземпляровъ Орлеанской дѣвы.

Такова вѣншняя исторія этого произведенія, о которой такъ какъ нельзя сказать того же самаго, что о драмѣ, написанной Волтеромъ въ 30-хъ годахъ: оно исполнено, по болѣеодумству и проникнуто самыми рѣзкими отношеніями къ существовавшимъ традиціямъ. Волтеръ однако не видѣлъ въ этой поэмѣ средства къ пропагандѣ: онъ началъ ее писать для содѣйствіемъ развлечения, для своихъ друзей, и воздерживался отъ изданія, на которое онъ вынужденъ былъ самими обхотителями. Сатира, которой проникнута поэма, въ 30-хъ годахъ не могла еще публично высказаться и обнаружиться. Какъ я уже сказалъ, въ это время болѣеодумство еще не подняло головы. Другое дѣло теперь, въ 1762 г. — въ 70-хъ годахъ: мы увидимъ, что Волтеръ, при зорисодѣйствіемъ взгляду его въ Парижъ въ 1772 году, публика будетъ грѣш, ко привозеубавитъ, какъ защитника Камаса, зворца Темриадн.

автора Орлеанской драмы.

Теперь обратимся к более подробному рассмотрению этой пресловутой поэмы. Мне случилось уже упомянуть об этой, написанной в половине XVII столетия при дворе короля Людовика и призываемой поэмой «Орлеанская драма», Шампленом, под названием ее заглавием: Орлеанская драма. В этой драме, как вы знаете, бездарно произведено, как известно, историческая история Иоанны д'Арк была изображена в строго-церковном духе. Драма призвана самим богом на спасение Франции от англичан; ангел ведет ее в облаках через бразилию страны к королю; во Франции и драмы помощники небесная воиновства, а на стороне англичан борется сатана и его адский полчища. — Этот сюжет, обработанный Шампленом, одобрил Волтер и побудил его написать произведение на эту тему. Мы можем себе легко представить, как должен был посмотреть Волтер на эпопею Шамплена и на ее источники, на старые французские хроники, передававшие повесть об Иоанне д'Арк. В этой истории очень видны целый ^{список} ворох небылиц, несообразностей, чудес, нелепых вымыслов, сверхъестественных факторов; от нее нет и слова и неслыханно средневековыми готическими небытиями, к королю губерновали Волтер за такую глупую антипатию. Это решили написать пародию. Чудесный принадлежность легенды Волтер перенес

поэзии, и фактически образовать еще болые целый ряд контрастов
изобразительного с общепринятого традицией. Но другая
подробности вылезает, как будто, прозо ради забавы
и неприязни поразитель чужацеля. Нужно признать,
что в этой поэме немало грязи, немало скандалов.

Вз культурно-историческом отношении, *La Pucelle
d'Orléans* — одно из печально-характеристических лирико-
эпических произведений XVIII века; это самое лучшее зеркало
образа мыслей и нравов тогдашнего общества. Чтобы
понять происхождение тона этой поэмы, должно взглянуть
на циническую точку зрения, с которой XVIII век смотрит
на сатиры возвышенных сфер поэтического
сознания. "Безошибочно автор намечает и подвигается
над подвигами храбрости и доброты, совершаемыми по
преданию доброй Мартой д'Арк и давшими грандиоз-
ный сюжет трагедии великодушному поэту Шиллеру.
Волтерр говорит:

"Я рождена не на то, чтоб словоблудием свирепеть: мой
голос слаб и даже немощно нестерпим для этого, а все-
таки мне надо быть восторг этой Мартой, которая, го-
ворясь, совершала чудные подвиги. Она укрепила своими
доблестьми ружьями галликанского мило, спасла
своего короля от англиканской ярости и озвела его в
Веймар для мироположения".

"Jeanne montre sous féminin visage,

Это обеспокоительство приводит нас к одному интерес-
 ному вопросу, которого необходимо должно коснуться
историю французской литературы и общества XVIII века.
Дело вошло в дело. Не только заклятые враги XVIII века,
 но и некоторые так называемые благонамеренные
 люди упрекают литературу XVIII столетия в склонно-
 сти к развратным делам, в открытой похабности
 нравственной распущенности, в презрении к ци-
 ническим подробностям и скабрёзным анекдотам.
 При этом указывают на некоторые произведения Дидро,
 на романы и повести Вольтера и в особенности на его
 Орлеанскую графиню, о которой мы только говорим.
 Обвинение это заслуживает внимания потому, что оно
 основано на некоторых данных, действительности
 существующих. В самом деле, нельзя отрицать того, что и
 у Дидро, и у Вольтера и даже у такого скромного, солид-
 ного писателя, как Монтескье, мы находим двусмы-
 сленные намеки, скандальные сцены, которые иногда
 приведены без всякой надобности, — только для увеселе-
 ния публики. Это явление обыкновенно объясняют
 нравственными соображениями общества XVIII века. Говорят
 об его пагубном легкомыслии, об его разложении, об
 его глубокой испорченности и разложении; отсюда
 делают вывод о влиянии общества на литераторов.
 Однако, подобное обвинение очень мало убедительно.

Спора нет, что высшее общество XVIII столетия не отличалось строгими нравами и, главное, не скрывало этого. Но возмемъ высшее и даже среднее французское общество в прошломъ (XIX) столетии, хотя бы в эпоху второй империи, его распущенность, его развратъ заведомо существовали вьслимь современниками; они доказано больше прикрасы и ленте оу кровеневь, чьмь вь XVIII вькь, зато они глудне и уютн. чьмь вь. Поэтому-то нечего зверднть о какой-то особенной, неслыханной распущенности высшего общества XVIII столетия (говорить А. Шабовь). Не говорите уже о среднемъ классе того времени: буржуазия XVIII вька, сравнительно съ буржуазией XIX столетия, отличалась гораздо больше строгими нравами. Эти люди произвели 89 годь, они создали ополчение 92 года. Какъ бы кто не относился къ исторической полноте этихъ событий, но никто не будетъ отрицать того, что во французскую революцию средний классъ обнаружилъ очень значительную силу, замьгательную энергию вь дльте, а сверхъ того, вь некоторыхъ случаяхъ и минуты, показалъ такое воодушевление, такую напряженную деятельность, которую не встрь было бы ожидать оу поколтьней расульнившись, разложившись, сгнившимь. Поэтому-то следовательно озабыть разглагомоговити оь особенной распущенности французского общества XVIII вька. . . X

Корень того факта — находить интересъ вь литературной передаче и обработке двусмысленнаго матеріала — заключается

Французская история литературы XVIII в.

в великой реакции XVIII столетия католическими фран-
 цузцами. Постепенно освобождаясь от зримой католической
 традиции, склоняясь к ним в отрицательное положение,
 борываясь с ними во браиду, и одиозно, и мизератори,
 признавая самые серьезные мизератори, какъ Лотцескё,
 Даламбергъ, Кондорсе, изъ вѣталь силъ производятъ сробавали
 господствующимъ чредямъ, увлекались въ своемъ про-
 зиводителствѣ и поворозовали вселу зому, то есколко-
 нибудь производило браидетными принципами. Въ
 зеченіе итальянскихъ вѣтковъ аскезизма счижался величайшей
 добродетелью. Въ зеченіе итальянскихъ вѣтковъ проповѣдова-
 ли дуализма духа и плоти, при чемъ все плохое при-
 знаваемо было въ принципѣ грѣховнымъ. Человѣчку
 сраивалось въ заслугу независѣ къ зѣлесному и пре-
 зрѣніе къ плоти. Въ философскомъ вѣткѣ мы видимъ
 рѣзкое производителствѣ вѣталь зримъ началамъ. Аске-
 зизма срамъ счижался несерьезнымъ, несогласнымъ
 съ природою человека и вреднымъ для одиозного
 благосостоянія. Мизерася зила признали нормальными
 и законными. Вѣтъ зомкую, кромя зого, о поуредности
 государства, объ увеличеніи народонаселенія, и согласно съ
 зримъ монашество представляется паразитизмомъ, зуме-
 ядствомъ, государственной взвою. Монашескій оборъ на-
 ходяръ несообразнымъ съ природою человека. Все это
 вопросы очень серьезные и стоящие въ зтеной связи съ самыми

существовавшими задачами жизни. Походно бродячая
 среди эрмитажских вопросов и приходя к решению их в
 смысле отрицательном для господствовавших порядков,
 люди XVIII века были наизусть увлечены своим проза-
 бодательством, что продолжали оппозицию даже в мелочах,
 так и нередко безосновательно возмущались в эрмитажских
 кругах происходило подчас то, что они, даже без всякого
 серьезного побуждения, без всякой видной надобности,
 охраняли дольше, чем следовало, на цинические
 дедала, фривольности подробности и великие люди,
 так, где играло какую-нибудь роль нелепое и пошлое.
 Указу еще ^{наряду прочим,} на двусмысленное положение монашества
 и церковных президентов в XVIII веке. Как каковы,
 русская церковь, так и монашество — основательно утра-
 тили то образовательное и социальное значение, которое
 они имели в средние века, потеряли президенты кре-
 дит в обществе, президенты уважение, и фактически пре-
 ждательство потеряли на государственной службе. Оппози-
 ция клерикализму во всяком его формате и под всяким
 ми видами отдалась любимым замечательным образователь-
 ным обществом... Указ — главная причина, обусловив-
 вавшая то циническое направление, с которым мо-
 иногда возвращается в просвещенной литературе
 XVIII века, заключающаяся в реакции кочевничества.
 Люди, как Монтезис, как Вонсерт и Дидро, забывали

поэтомъ великій, мощной созданія челоуьеской
мысли; въ зреліе всей своей жизни, до глубокой старости,
сохранили они за собой удивительную крѣпость; иль
согнѣнія замечательной энергіей и свѣтлостью. Сообраз,
но ли это съ порчей и расшатаніемъ? Далеко какой серіоз,
ный, могущественный и чуже во всемъ отношеніяхъ благона,
творенной челоуьескъ, какъ Мамзерець, Цетзорь, Миниеръ
Модовика XVI и въслѣдствіи зацарствованія короля передъ судьб.
дми Конвенца, зналъ наизусть Вонзерева Драву и съ
старомъ читалась она въ кружкахъ всей европейской знари.

Во наше время, конечно, Орлеанская двѣдствитица Вонзера
удрадила обаяніе; бойкій сурь и ильсково удаловитъ
мощь не выкупають тенденціозности и погоня за дву,
смысленноездми, хотя и эта пародія зоме преслѣдова,
ла модичную цѣль поэта, обличеніе франкуизма. Ruelle
d'Orléans болше претиниль произведеній ославила
Вонзера Бедобитимикомъ; какъ зомько заходила рѣчь о
немъ, припоминалась эта поэма, которая для него
была лишь задавой, и забивалась его заслуги. Изданіе
поэмы было послѣднимъ оглооскомъ поподитъ и,
зѣрачуривиль висуовъ его; озвнннть отъ вѣсь силы оздаеръ
служеннго вѣснннль, обшечеловѣческннль нѣрѣдалъ.

Изъ Париза приходили звалъ врененель воери о по,
виль нападалъ на вѣсь передовую парзю. ^{profane}Безсмысленной
обличитель Вонзера и его сообразовъ по перу, Шолиде Флери,

глава прокуратуры, тронилъ въ своихъ речахъ расширяющую
 пропаганду Вольнодумцевъ, тѣмъ материализмизмическѣй и безъ-
 божиной убоженія; продажный Бордонисецъ Палиссо
 посрабилъ на сцену переполненную насмѣшками и
 оскорбительными намеками комедию Les philosophes
 (Философы), гдѣ предсрабилъ энциклопедизма выезды,
 чины аллювийи искажалъ приключеній, цуравало,
 цуки свои дѣла при похоти присвоенія наслободствъ,
выгодныхъ браковъ, эксплозаций полурракозныхъ по-
клонниковъ. Слово "философы" прозвонялагда здѣсь
 помяну о чуждой чужбѣ. Философы Валеръ утвержда-
 етъ, что личная выгода — естественный двигатель вѣтъ на,
 шель отношеній, что прямодушие — добродѣтель глупцовъ,
 и его слушаютъ, слѣдуя ему буквально, мѣду къ нему
 въ карманъ. Дорридичъ (Дидро) проповѣдуетъ коедмо-
 лизизмъ, а личивый чужбый Криспентъ, пресиде слушав-
ний у Руссо, пародируетъ его, ползаетъ по сценѣ на
 рукавѣ и когачѣ, декламируя прозвъ измѣненной
 цивилизаций и пизаетъ уравно, чтобы блистать подойди
къ, зимвожному соединеню. Наконецъ посредственный
драматургъ Помпидьянъ, безумная въ академію, произ-
несъ настойчиво обвинительную речь прозвъ новой
философій, и получилъ одобрение короля. Невозможно
было дальше ползати: Вальбергъ внѣмался въ борьбу, а за шель
 пошил его приверженцы. Дорриделъ посыпался лежунія

брошюры, оригинальная уже кофому, что каждая расна,
 дается на периоды, начинавшиеся одного и того же часа,
 цей. Первая кофема название: „Les Quand, notes utiles
 me un discours prononcé devant l'académie“, затем же ко,
 следовали „Les ^{Поэтому} Bourgeois, Les ^{и т.д.} Si“ и т.д. Воле ильскоюско
 выдержке из les Bourgeois, написанной Морелле:

„Поэтому авторь рече, произнесенной в 1760 г., говорит,
 что король превеличиваетъ бедствия своимъ подданнымъ;
 что этого уже достаточно, чтобы облегчить или несчастья;
 что француз, любезные своимъ повелителямъ, не могутъ
 никогда быть несчастны? ^{Поэтому} говоритъ отъ это, когда
 отъ же в 1756 г. говорилъ королю: государь, всевозможные
 налоги отлагають вашимъ подданнымъ; съ ними кофема,
 кофь хуже, чемъ съ казорниками; смеются надъ на,
 родомъ, выдвинутымъ изъ силъ, выйдете изъ своего двор-
 ца, изъ земли разнравившейся придворной; ваша сурана
 образуетъ скоро въ пустыню; поставь полицию следаки,
 и махва - скорбю! Поэтому (bourgeois) это же человетокъ, энерг-
 закъ прозвонитъ себя? Положение народа съ ^{торм} не
 улучшилось, - но извѣстнее положение самого
 автора... На медленномъ огнь муримъ Воздерж своего
 прозвоника и кончилъ комическою. Эпиграфъ его, на,
 поминатоней сначала сунъ Карона: si dit qui ne fut rien... ^{Потомъ выразилъ}
 „Слабые северные, воле вашъ девизъ, говоритъ саксонскъ; ^{забылъ, что на}
 скоюско славныхъ властителей лезать въ землю, собственнъ

забытое! Это сфера Вавилоны, это могила Александра,
последнее пристанище Цезаря? А нашу дружбу Помпиду,
янь еще думаю, что онъ что-то собою представляеуъ!"
(Et l'ami Pompidou pense être quelque chose).

Сатира le Raivre Diable (17582.) сошла изъ рукой
ударов на тлени, вѣсть враговъ, сараника-швейцарца, какъ
философскихъ, такъ литературныхъ и лирическихъ, янсенисты,
искузы, тлени парламентаровъ, авторы зрочагелскихъ комедий,
Трессе, Трюдле, Помпиду, Дефонзель, Фрерона, Шоме и
з.д. слѣдовали однимъ за друими. Безконечной вереницей,
въ шуровскихъ позавъ, словно одержимые какой-то бѣ-
шеной тлѣской. Но это еще можно было назвать мизера,
хурой и даже блещущей; позднѣе Волгера испорчился
и сталъ злоумозрѣвать грубыми и оскорбительными
высказками. Онъ направилъ на голову несчастнаго Помпиду,
яна — какъ мы зовѣмо что слышали — цѣлымъ градомъ на-
ахъметъ и позорилъ его въ нѣтъ, — между зѣвъ, какъ
все пресузрѣние несчастнаго челоука заключалось
въ зѣвъ, что ему не нравилась философия, козорадъ пра-
вилась Волгеру. Въ зѣвѣ двадцати лѣтъ для Волгера
было наслаждаться офидоломъ, наслажденіемъ и лѣткар.
сѣвиль въ зѣвъ за уши и вѣстель мудлито Помпиду,
Фрерона, Нокорра или Нокорра. Однимъ виновный
напоминать слу о друими, и при каждомъ новомъ
недоволе зѣвъ отъ вспоминая о вѣствъ своихъ сѣвиль

сказалъ. „По неуми, сказанъ Тришль, прочитавши les
^{Византизмъ}
Notionnelles littéraires, господина Вонзеръ слишкомъ
 добръ, что спорилъ съ крестъ никому неизвѣстнаго не,
 гадяевъ и бездальниковъ.“

Не имая нурды ничего щадить, какъ какъ ему нечего
 было болше болдья, и чуберъ необходимое не доуцуръ
 молодиль опередить себя, Вонзеръ расцвѣтъ во всей краскѣ
 и оказалъ въ искудствѣ слишкомъ муръ болше силъ,
 ниль, дѣлзельниковъ и юниль, тамъ былъ когда-либо
 франсте. Отъ озворилъ все свои тлазы и выцудилъ
 на свободу все свои мысли. Тлудожая сураскъ была для
 него бременемъ наиболшею младовизуеки.

Литература охлудитъ у него на второй планъ. Мокозорья
 трагедии и комедии, суровые комментарию къ Корнелю и сураскъ.
 ная обвинительная рѣчь прозивъ Мексидра, — возъ все, что
 отъ написалъ въ качествѣ поэта. „Сзарикъ швейцарскъ“
 Оградного и „Фернейскій патриархъ“ явлдерея президе
 всего филозофамъ. Отъ называлъ себя „приказникомъ“
 при Энциклопедии; но въ сло года, съ сло швейцель, съ
 его богазубовъ и независимоего, предложилъ свои услуги
 — значило объявить себя возидель... Такъ какъ Вонзеръ оу.
 давалъ свой „дѣлзельскій умъ“ на слушаніе общему дѣлу,
 то все „Браздъ“ явлдиль горячки зацурниками его славы;
 отъ сообщалъ привлекаемоего шль идеями, а они создава,
 ли грошкью репузацию его сочиненій.

la Bible enfin expliquée (, Объясненная Библия, 1776); Un chrétien contre six juifs (1776) etc. Вольфгерт нападалъ уже не на мажаровъ и вторюющихъ католиковъ, а на самую ре- митю на Библию и Евангелие. Происходилъ, при своей остротѣ ума, своей поверхностной, но обширной Эрудициѣ, отъ оспариваемаго подлинности и достоверности св. Писанія и достоинствъ католическаго перевода Библии; отъ прихода, идеть къ нимъ филологическую и историческую критику и приходить къ заключенію, что, если даже признаютъ, что священныя книги не апокрифичны и не подвергались поддѣлкѣ, то отъ прозворагоу зай идеть, которуо здра, бый смыслъ долженъ сосравить себя о божествѣ. Это и была именно за Вольфгертская полемика, съ которою послѣдую, щія поколѣнія, также какъ и современники, не безъ основанія, связывали имя ея автора; благодаря именно ей, отъ создалъ свою школу и засравливалъ себя ненавидѣть; равнатель образомъ она-же была впоследствии задракована болѣе безирисозрасной и научной критикой, которуо она сама считала возможной.

Философія Вольфгера носила вполнѣ практическій характеръ; отъ держался поллизиски результатовъ и сре, митетъ приобровети прозелитовъ. Это цель заключалась не только въ одномъ изложеніи истины, полезной для человѣчества, но и въ распроэраженіи имъ. Науки пог, ти не занимали его въ это время; въ промежуткахъ

Больше только двадцати словъ иль было написано французско одно
 сочинение, имѣвшее научное основаніе, это — Les Singuliers
^{свѣтлыя и тѣмныя}
titres de la nature (1768). Метафизика занимала не болѣе
 шее мѣсто въ его сочиненіяхъ; она исперывалась призна-
 ніемъ существованія Бога и отрицаніемъ Провидѣнія
 и чуда. Въ этомъ слѣдуетъ прибавить его излюбленную
 идею, съ давнихъ поръ замеченную иль у Локка, о томъ,
 что Богъ, по своему всемогуществу, могъ надѣлать своеобидную
мысли и намереніе. Но эта метафизика была разбита въ оско-
 локъ коллежскаго сочиненія, слуга иль опорой и перенесъ,
 гдѣсь съ нимъ. Подобными же образомъ, Вольтеръ не разде-
 лалъ своей коллизии общими принципами и обводилъ,
 нѣкими аргументами, отъ не довѣривавъ нудель обыватель,
 ученыхъ и нравственныхъ сочиненій, въ которыхъ гдѣсь
 презираеть съ чѣмъ-то научился. Онъ штилъ въ виду при-
 дворныхъ, некавшихъ развлеченій, и легкомысленныхъ
женщинъ; онъ предлагалъ всему этому низеллигентному
 обществу, которое очень имело бы дуракъ и знакъ, если бы
 не болное урда и екурн, маленькая назидательная ком-
тетки, яко излометная, шувя и интересная, не урда,
 явшивіа вниманія, легко удершивавшіяся въ нахвату и
 осраблывшіа опекають своей основной идеи даже въ самыхъ
нудель головахъ. Франкъ, нрѣ Фернеа выводитъ карманное
карелуиси съ слѣдующими характеристически названіями:
le Dictionnaire philosophique (Философскій словарь или

Разумъ въ алфавитномъ порядкѣ (1764), Эвангелие Разума
(1764); итеса: Le Trinitaire (1764).

Въ своемъ Словарѣ¹⁾ онъ пишетъ: „Мезаскрипка итакже
еще хорошему ехорону, что она не предугаетъ предварительности,
присланными замаян. Въ ней можно все знать, никогда ни-
кому не ушибится; и у кого зорько разсудокъ немножко судъ,
зисель и огенъ францима, зоръ лознере навторное далеко
чизн въ мезаскрипкѣ“. Мы можемъ поспавить²⁾, пишетъ онъ
въ другомъ мѣстѣ, Словаря³⁾, въ концѣ едва ли не каждаго
офѣтъла мезаскрипки буквы N. L., которая сзавили римскіе
судби, когда они не могли понять дѣла: non liget, это
неясно. — Какіе же приемы прозисовосзавлзере Вонзере
схолоаскрипкисиль изымилемидль? — Возъ какъ онъ про,
долзнаеъ зо самое писельно, изъ кохорого я раньше при,
водиль выдержки: „Все эти резонеры соинвали рокамъ
геловаческой души; наконецъ, пришель мудрець и скром-
но написалъ ея иерорито. Лонкъ познакомилъ геловачка
съ процесомъ геловаческаго познаванія закъ, какъ свѣ-
дущій атажомъ объяснелъ сзроеіе геловаческаго фила.
Онъ поехотнито обращаетъ за помощью къ свѣзочу фри,
зики; иногда онъ дерзаетъ говорить утвердительно, но
онъ дерзаетъ закнне сомнѣваться. Влнхого зого, тодѣ
опредѣляетъ сразу зо, чего мы не знаемъ, онъ подвергаетъ
поепенемому изслѣдованію зо, что мы делаемъ^{не} знаемъ.
Онъ беретъ дуръ въ минуту его рожденія, слѣдитъ шагъ

1) Art. Trinite.

2) Art. Bien.

за шагъ за разбитіемъ его познавательной способности,
онъ видитъ, что оно имѣетъ общаго съ животными и въ
чемъ оно выше ихъ; онъ гаситъ обращаясь къ евиденности
собственной сознанія, собственной мысли. Мы видимъ,
какъ, здѣсь измѣнился и тонъ, и вся манера изложенія.
Шурки Брошеры. Вотъ теперь говоримъ о тонѣ, что онъ уба-
жалъ, что онъ действительно сдѣлалъ серьезныя, а
не о идея какъ; онъ болше не балагуритъ, не вымлетъ
осознанія. Въ рендант въ этой выдержке можно при-
вести отрывокъ изъ другого трактата Вотъзера, именно
изъ Le Philosophe ignorant, ^{на знаменитѣ} где Локкъ являетъ въ этой
же роли изобразилъ отъ метафизическихъ наукъ и надежнаго
руководства въ мышленіи. „Послѣ ересьскихъ неудачныхъ
поисковъ, чужаки, разбиты, со сжатою сознаніемъ въ тонѣ, что
зачто не перитъ, которыхъ я добивался, я нашелъ такое мнѣ,
тесно хитеръ, — я вернулся къ Локку, какъ блудный сынъ,
возвращающійся къ своему отцу; я бросился въ объятія этого
скромнаго человека, который никогда не высказывалъ себя
знающимъ то, чего онъ не знаетъ; который, правда, не обла-
далъ несомнѣнными богатствами, но фонды котораго отъ
солидныхъ и вѣрны, и который безъ всякой похвалы, безъ
всякаго хвастовства, обладаетъ самыми прочными дарами,
дарию.“

Какия же положенія въ системѣ Локка привлекали
Вотъзера? какими воззрѣніями англійскаго мыслителя

онъ придавалъ особенную цѣну? Какъ мы уже замѣтили, Вольтеръ съ особеннымъ уваженіемъ высказывалъ оговорки, ноуі, кристическій методъ Локка. Когда мы хотимъ оудать себя оудеть въ какомъ-нибудь явленіи, пишемъ Вольтеру въ „Traité de Métaphysique“ III, не смѣдуемъ говорить: будучи маемъ сначала принципы, при посредствѣ козорьихъ мои поудараемъ все одъяснить, а нурино скадартъ себя: подвергнемъ эту явленія догмоду анализу, разсмоурили мы, и поудомъ поудараемъ разодбратъ, не иматьоу ли они взаимныхъ оуношеній, не могуу ли они буть ободуемъ, не оудать ли они въ зависидеуи оудъ какого-нибудь одуаго принципа, не оудъ ли укадартъ на эту оудь. Таковъ правидеуный оудъ изелодованія. Онир, по мнатьоу Локка и Вольтера, оудъ иоудогниетъ всякаго поуднанія. Наши оудеува, наши оуду: оуденія оудодуаюу разоуду виеаууленія пределерова. Изъ зудья виеаууленія складываюуея оудраза, предоудавленія. Поудать ли оудемъ догмодко до, о гелъ мы иматьемъ предоудавленіе, гто мы оудемъ вооудраууея себя, о гелъ мы иматьемъ оудраза, по: муренной нами изъ нувоуеуныхъ виеаууленій, изъ оудеува. Но мы не оудемъ поудимать дого, о гелъ у насъ имать предоудавленія. Таковъ, напр., многе оудорать о неуеуеуеуенной оудоуданціи, но могу ли я вооудраууея себя неуеуеуеуенную оудоуданцію, оудъ ли у меня предоудавленія о духу, о душѣ?

Предоудавууея себя гисудей дуу, по мнатьоу Вольтера, мы не въ оудоуданіи, знатьоу и разоудраууея о гисудей дуу

невозможно? Но почему же произошло то, что эго слово, лазниковъ, эго слово метафизиковъ золжунъ и разглашывающа го о душе, какъ о чемъ го иль очень хорошо известномъ ? — Было въ го, что если мы съ одной стороны не могли сообразить себѣ представления о чужой душе, о нечувственной судебности, го съ другой — какъ хорошо известно, то чело, вѣкъ мыслишь, починаешь, воображаешь, губеуешь. Собо. кутнее эти способности обозначаетъ слово душа. Эго эго слово, которое упределяется для обозначения цѣлаго ряда представлений, но которое не имеетъ особаго, своего, свущаго или, дѣйствительнаго сущаго предмета; какъ такого отдѣльнаго бѣзъ, говоря Волжунъ, которое созвѣтъ, свобало бѣ слово душа. Подобно го, какъ мы говоримъ о движеніи, о негодованіи, о наязи, о иселаніи, мы можемъ говорить и о душе. Но какъ реальнаго, дѣйствительнаго сущаго, называется движеніемъ, негодованіемъ, на, мазю и проч. Словомъ двигаешь, негодуетъ, починаешь, бѣгаешь, спизъ. Эти соединенія мы для удобства называемъ отвлеченнымъ зерникомъ, говоримъ о движеніи, о на, мази, о бѣгѣ, когда въ природѣ нашъ реальнаго сущаго, какъ особеннаго звора, называемого движеніемъ и проч. Можно также, говоря о способностяхъ мыслинія, губеуова. ніи, когда мы можемъ упределять название душе, но вѣдуть съ го должны починать, что эго эго слово имя. Между темъ подъ эго отвлеченіемъ, подъ эго имя,

1) Dict. philos. Art. Ame. — Il faut prendre un parti. — Lettres de Memmius (1774), III.

подъ зрѣнь знакъ схоластики подразумеваютъ дѣйствительное существо, о которомъ мы не имѣемъ никакого представл. ній, оправдываемаго опытомъ. Схоластики называютъ это существо за гармоніей¹⁾, за геометріей²⁾, за эфиреіей³⁾ фран. записываютъ объ этомъ фиктивныхомъ бытіи и считаютъ его источникомъ нашихъ представлений. Такимъ образомъ, дѣль, по мнѣнію Вольфера, есть только мнѣ, только оубе. геніе для обозначенія способностей мысли и чувствованъ; только въ такомъ случаѣ мы можемъ говорить о дѣль. Къ чуждъ дѣль, по его мнѣнію, значить не проникаетъ въ существо нѣкоего оубежденнаго, неизбѣжнаго намъ бытія, о которомъ мы не можемъ составить себѣ представлений, а подвергаетъ наблюденію факты нашей психической жизни, наши способности чувствованія и мышленія, проявленія дѣль способностей. Великая заслуга Локка, по мнѣнію Вольфера, состоитъ въ томъ, что онъ первый написалъ естественную исторію души, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово сейчасъ было разъяснено. Вмѣсто того, что бы французы оубе. едвали, какъ едвали и принадлежало едвали нѣкоего мышлен. скаго бытія, Локкъ едвалъ изучаетъ способности мысли, чувствованъ, составляетъ представлений, и прибѣгаетъ при этомъ посредственно къ опыту и наблюденію. Это изученіе имѣетъ въ разрывѣ съ господствующими воззрѣніями. Онъ далъ, жель биль оубежденную теорію природнаго бытія, — готовилъ понятій, одинаково понятнаго вѣсьми

1) по Лондомери
2) по Анаксагору
3) по Аристотелю

отдаленные пункты в философский предмет. Препод
 всего его воззрения о человеке представляю много любо, Человечество
 познаю. В этом отношении и очень характерного
 начало его, Метафизического введения (Traité de métaphysique).
 „Принимая за изучение человека, пишет Вольфганг, и по-
 старается сначала выйти из круга его забот и интересов,
 отстраниться от всяких предразсудков и предвзвешен пред-
 суждений и посмотреть на него в качестве постороннего
 наблюдателя. Предположите, напр, что бы случилось на земле
 с планеты Марса или Юпитера, это я не имел бы никаких
 сведений о человеке, и только каким-то свое знакомство
 с нашими маленькими земными шариками. И вот я свешал
 на зреть комочек грязи и осудился, напр, в сущности Каффа.
 Что я здает вижу между прочим? — Вижу обезьяну, сло-
 новь, пегровь; у встал у них как будто есть гасушка
 разума. И у встал и у других есть рожь, или крики, жого-
 рожь я не понимаю; и это и другие совершают поступки,
 направленные к извездным целям. Если судить по
 первому впечатлению, то кажется разумным и у встал
 зреть существо представляется слово. Но для того, тогда не
 только легкомыслитель и пошлитель заключений,
 а беру двукратней у зреть разумных животных. Я под-
 бергал наблюдению шестидесятилетнего негридента, моно,
 дого-слона, молодую обезьяну, левенка, щенка; в виду,
 что у встал зреть животных гораздо больше силы, ловкости,

понятию живости, чувствительности, даже больше таланта, чем у
 негривенка, что они гораздо лучше его выражают свои
 мысли. Но через несколько времени я заметил другое:
 у негривенка стало больше понятий, чем у белого дружка
 шивознава. Я вижу, кроме того, что у зрелых шивознава
 червь, явился гораздо более развитые, гибче, богаче, чем
 у дружка. Наконец, по мере того, как я все больше и
 больше услаживаю превосходство или над обезьянами
 и слонами, по мере того, как я знакомлюсь с их
 природой, я создавал себе понятие об зрелых человеке
 и на основании своих наблюдений кажется считать
 себя определение: человек, это — черное шивознава с
 шерстью на голове, козоровидный на двух лапах,
 почти такой же ловкий, как обезьяна, очень рослый
 и сильный, чем другие из разряда шивознава много
 шивознава, обладающее большим количеством пред,
 сравнений и больше развитой способностью или выразить,
 но подверженное тем же необходимым условиям:
 оно рождается, шивверь и умирает так же, как и
 они. Зрелые шивознава переносятся в другие страны,
 производят и так свои наблюдения, запасаются новыми
 свидетельствами, новыми сравнениями и постепенно допол-
 няет и исправляет на основании новых опытов
 свое предыдущее определение.

В зрелых шивознава Вольфера для нас только важна

общая точка зрения. Слолаогический предмет разламывали человека совершенно отдельно от окружающей природы, видели в нем нечто совсем особое, непохожее на прочие явления действительности, нечто радикально отличное, существующее от другихъ звореній. Для него человекъ игралъ роль вытца всего мирозданія, царя природы, для котораго было все осязательное, которому слушались и поклонялись вся двары земная. Человекъ, по мнѣнію словаогиковъ, былъ особаго происхождения, занималъ въ мірѣ привилегированное положеніе, наделяясь бытъ особыми духами, имѣя начало, которое возвышало его надъ миромъ явлений и сообщало ему гордую независимость. Это духовное начало въ человекѣ было заключено въ гудую желстную оболочку, въ которой оно зорилось, какъ въ землицѣ, съ которой оно посто. Ясно приходило въ зорковеніе, боролось, и котораго оно собственно было побозидаетъ и покоряетъ себя. Подобная двойственнасть человека была его оригинальной особенностью, выдѣлявшей его изъ окружающей среды и придававшей ему какую то загадочность, замечательность, нечто непознательное. Вольфгангъ смотритъ на это иначе. Онъ поестановляетъ человека въ цѣломъ другихъ звореній, разламываетъ его въ зоркой связи съ прочими явлениями природы, не видя въ немъ никакихъ замечательныхъ особенностей. Онъ разламываетъ человека, минаетъ его привилегій и анализируетъ его на ряду съ прочими фактами действительности. Мы видимъ, что у Вольфганга

человек является частью природы, ее больше развита, продукт,
 зомби, ее естественным продолжением. В этой зависимости,
 если есть обезьяны, в этой тесной связи с окружающим
 они и подвержены изурению. Таково различие между
 президиумом матерой изурения человека и новыми методами.
 К этому новому методу принадлежат все просветители
 XVIII века. Они высказались и знаменитыми Бюффонами.
 «Первая истина, говорит Бюффон, вытекающая из сери,
 оного измодования природы, заключается в том, что
 человек сам должен быть в одном ряду с животными».

II. Деизм.

Переходу к деизму Вольтера или к его учению
 о Богстве. Отношения Вольтера к Богу представляются
 очень выразительной приморой той переходной формы богопо-
 знания, которая в XVIII столетии имела большое распро-
 сранение и известна была под именем деизма. В Англии
 XVII века но задалось учение это в полном цвете, в
 XVIII столетии оно становится одной из модных теорий
 и французских просветителей. Сущность деизма заключа-
 ется в отрицании откровения и во стремлении доказать
 бытие Божие только откровением — средствами одного мыс-
ления. Вообще деизм представляется попытку обосновать
 рационально, угрожать на началах разума то, что прежде
 держалось преданием, второго, авторитетами. Такой ха-
 рактер деизма обнаруживается уже на заглавие Годов
сочинений, которые были написаны миссиссиппи — деизмом.

Гербергъ изъ Шербтори пишетъ трактатъ объ Иезуитъ, насколько она отличается отъ окровенія, Локкъ пишетъ книгу о Разумности Христіанства, Штоландъ издастъ сочиненіе подъ заглавіемъ: Христіанство безъ зайковъ. — Вездѣ разумъ и прозрѣніе, полагаются окровенію и сдѣлаются главными перочниками правильнаго богопознанія. Иезуиты окровенныя принципы, магодовъ, но лишь на счетъ, на счетъ отъ удовлетворенно требованій разума... Сревшенство съ возраженіями англійскими деизовъ XVII вѣка деизмъ Вольфера предсавилъ, съ чье форму значительно упрощенную и свѣтлую. Вольферъ относился отрицательно къ великимъ положеніямъ нѣкимъ религиознымъ исповѣданіямъ. Церковно-догматическіе вопросы могли въ немъ возбудить только сраженіе къ полемикѣ, сраженіе къ шль опроверженію, и на этомъ поприщѣ отъ и дѣйствовало главными образомъ во вторую половину XVIII вѣка, — какъ полемикъ, какъ неудовольный критикъ положеній вароченій и преимущественно къ каatholicизма. Шталь не менше, вои, за что Вольферъ крѣпко держался, вои что отъ дѣйствительно защитилъ въ зачетъ всей своей жизни: Богіе богства. Всѣ деизмъ Вольфера и сводился къ попытке доказать при помощи одного мыслимъ Богіе верховнаго существова, устроителя вселенной, мой.

Доказательства его, конечно, не нова. Они уже давно были употреблены средневѣковыми богословами и схоластиками.

Но дало бы знать, что эти доказательство в средние века
 занимали взороселенное положение. Главным образом, по
 коим богопознания слагалось в то время озкрение, а что
 затем приводилось затем называемое рациональное дово.
 дв. У декарта XVII - XVIII столетия надобно: озкрение
 уезрандеж, и на первом плане сфера доказательство. —
 Доказательство, кь королю ^{Вольгере} ~~от~~ ^{таже} всего приделает, которое
 отъ слагает сакральные и убожественные, — это как на,
 зываемое фелсологическое. „Зрелище порядка“, именуется
 „изумительного оруд, механических и геометрических
 законов, управляющих бесконечные формы
 и цетей, кь королю направлена зворения, возбудившая
 во мнѣ удивление и уважение. Вели по работамъ людей,
 если по мнѣ сдобренными урдами мнѣ приходится
 заключать о нашей разумь, то зрелище больше — вь окрестна.
 кошель мнѣ я долженъ признавать свободы гораздо большего
 разумна, больше снотной интеллигенции. Я признаю су,
 цезрование этой верховной интеллигенции и не боюсь,
 чтобь когда-нибудь мнѣ пришлось изгнать мое мнѣние!
 Никто не погрязает во мнѣ аксиомы: великое дело сви,
 доказательство о своемъ зворении (Tout ouvrage démontre
 un ouvrage). „Все связано вь зрелище мнѣ“, именуется отъ
 вь другомъ мнѣнии, „все подчинено вторичным, неизменно,
 нымъ законамъ, следовательно все это уезримо единой
 интеллигенции“. Coeli emanant gloriam Dei — небеса похваляютъ

славу Божию — это изречение представляется Волгтеру неопро-
вержимым доказательством бытия Бога. При этом же необ-
ходимо было бы доказать, что Волгтер не слышал Божие,
сво создателя вселенной. „Самое слово создание“, говорит
он, „непонятно для меня. Кто-нибудь ли что-нибудь произ-
водит из ничего? На этом основании Волгтер признает
вотное и самосоздающее материи, и эта вотное, по его
мнению, не только не вредит понятию о Божестве.“ Божес-
тво является разумным создателем материи, вносящим
порядок в первоначальное хаотическое вещество... Таким обра-
зом из созерцания разумности мирового порядка Волгтер
приходит к понятию о верховной интеллигенции, о суще-
ствовании Божества. Но он знает не останавливаясь и не
хочет идти дальше в определении свойств и качеств этого
Божества. „Философия“, говорит он, „уверяет нас, что мир
этого существа непознаваем, вечно существующий, но фило-
софия не может нам ничего сообщить об его свойствах
и принадлежностях; природа этого существа для нас
совершенно непознаваема. Если философия говорит нам,
что есть Бог, то она не в состоянии сказать, что он такое,
поэтому он двухвечен, существовал ли он во времени и
пространстве, двухвечен ли он только один раз или
он двухвечен постоянно, существовал ли он во мире
материальном или ином. Нужно сдаться самим богам,
чтобы это знать.“

+1 по разговору
это понятие

Такое блыдное и неопредаленное представление Вольтера о бжесствѣ. Этой неопредаленностью и блыдностью оуличаются вообще ученія деизмовъ. Въ презиней традиционной религии, оуъ позитивескии второваній оуовъ, оуъ приложимой и зачатъ-чивай геологии средннихъ вѣкови не оуаеся ничего, кромѣ го-лицей, сухой марафизитаской формулы. Показано, что люди мудо-ко вторующие, послѣдовательные каролики были до мудоины ду-тин возмущены теорией деизмовъ и жестокосердечно обзывали деизмовъ безбожниками, адемерами. Убо они не могли въ саомомъ оуаить оузнакъ своего дѣвченскаго, вѣткою бодрезвучающаго, оукровеннаго Бога, вѣд изорія козорога иль замъ короно бжма извѣстна, въ зомъ неопредаленность сущесствъ, козорога деизмы обозначали го верховной иууалитенцией, го премудрость архидеизмовъ вселенной, го первичной причинойъ всего сущаго.

III) Свободная воля. Ученіе о свободной воли, въ зой формѣ, въ какой оно бжмо разработано английскими мыслителями XVII и начала XVIII столѣтій, въ зой формѣ, въ какой оно необходимо должно предсав-ляется послѣдовательными оуызного метода и непредубьидан-наго мышленія, далает Вольтеру носилья продолженческой боръ-бѣ. Какъ мы видали, новое мирозерцаніе разнахривало вѣтъ данной дѣйствительности въ иль взаимной связи, слѣди-мо за зависимостью явленій оуъ оуружающаго челоиія и за вюдѣйствіемъ иль на другія явленія, раскрывало зѣтиской соотношенія между наблюдаемыми фактами. Ту же сауро послѣдовательность, преемственностъ и зависимость, козороу